

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ ХСІХ, № 5.

С. А. Ереминъ.

О П И С А Н І Е

УЛОМСКАГО И ВАУЧСКАГО ГОВОРОВЪ

Череповедскаго уѣзда Новгородской губерніи.

ПЕТРОГРАДЪ.

Россійская Государственная Академическая Типографія.

1922.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ ХСІХ, № 5.

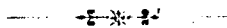

С. А. Ереминъ.

ОПИСАНІЕ

УЛОМСКАГО И ВАУЧСКАГО ГОВОРОВЪ

Череповецкаго уѣзда Новгородской губерніи.

К III 986 262

ПЕТРОГРАДЪ.

Россійская Государственная Академическая Типографія.

1922.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.

Мартъ 1922 г.

Непремѣнный Секретарь, академикъ *С. Ольденбургъ*.

Предисловіе.

Выпускаемое въ свѣтъ «Описаніе» начато и написано лѣтъ семь тому назадъ, еще на студенческой скамьѣ. Нѣкоторые отдѣлы работы въ свое время служили предметомъ сообщеній въ студенческомъ кружкѣ по «Изученію Живого Русскаго Языка» (при Петербургскомъ Университетѣ), ведшаго свои занятія подъ руководствомъ проф. Л. В. Щербы. Составленію настоящаго «Описанія» и опубликованію работы много содѣйствовалъ своимъ близкимъ участіемъ покойный нынѣ акад. А. А. Шахматовъ.

Признавая неизбѣжно связанные съ первымъ опытомъ погрѣшности и недостатки въ работѣ, какъ-то — допущенныя мѣстами нѣкоторыя излишнія разсужденія, нѣкоторую зависимость отъ образцовыхъ «Описаній» и пр., авторъ, кромѣ того, сознаетъ, что за семилѣтній промежутокъ времени, отдѣляющій изданіе отъ составленія работы, у него измѣнились и нѣкоторыя принципиальныя позиціи, съ которыхъ онъ тогда смотрѣлъ на развитіе и явленія пародныхъ говоровъ и на мотивирующіе ихъ аргументы; тѣмъ не менѣе, онъ рѣшился напечатать свою работу, не внося какихъ-либо измѣненій и дополненій, отчасти полагая, что приводимый имъ матеріалъ до сихъ поръ не утратилъ значенія, а, можетъ быть, и приводимыя имъ соображенія въ нѣкоторой части сохраняютъ интересъ, больше же, однако, по обстоятельствомъ, отъ автора независящимъ. Дѣло въ томъ, что печатаніе шло съ перерывами; послѣ перваго листа, вышедшаго въ кор-

ректурѣ лѣтомъ 1918 г., послѣдовалъ довольно значительный промежутокъ въ два года, когда стали набираться остальные листы; самъ авторъ въ это время находился въ провинціи и отрѣзанъ былъ отъ рукописи, чтобы могъ въ нее внести непосредственно тѣ или иныя измѣненія.

Въ значительной степени благодаря послѣднему обстоятельству, автору пришлось отказаться и отъ введенной имъ въ рукописи транскрипціи и нѣкоторыхъ условныхъ значковъ для обозначенія различныхъ фонетическихъ оттѣнковъ въ описываемыхъ говорахъ, хотя бы значка $\prime$, свидѣтельствующаго объ раскрытіи звуковъ *o* и *e* и замѣнить его знакомъ простого ударенія. Конечно, лишало смѣлости настаивать на выдержаніи принятой транскрипціи и сознаніе обшихъ тяжелыхъ условій типографскаго дѣла.

Авторъ.

1922 г. февраля 8 дня.

Петроградъ.

Описание „Уломскаго“ говора Череповецкаго уѣзда, Новгородской губернии.

Лѣтніе мѣсяцы 1915 года я рѣшилъ использовать для изученія народныхъ говоровъ. Послѣ предварительной бесѣды съ акад. А. А. Шахматовымъ, который далъ мнѣ необходимыя и важныя указанія въ дѣлѣ описанія народныхъ діалектовъ, и благодаря которому я получилъ небольшое пособіе отъ Академіи Наукъ, вопросъ рѣшенъ былъ въ окончательномъ видѣ. Для своего наблюденія я выбралъ говоры Череповецкаго уѣзда, Новгородской губернии въ мѣстностяхъ сосѣднихъ съ Весъегонскимъ уѣздомъ. Но обстоятельства времени вынудили меня перенести мое вниманіе нѣсколько глубже въ Череповецкій уѣздъ, верстъ на 40 отъ границы съ Весъегонскимъ уѣздомъ, и я занялся «Уломскимъ» говоромъ, тогда какъ сосѣдній съ нимъ и съ Весъегонскимъ уѣздомъ — «Ваучскій» говоръ, мною описанъ только въ обнихъ чертахъ и приведенъ въ параллеляхъ къ наиболѣе существеннымъ и типичнымъ отклоненіямъ отъ говора «Уломскаго», да и касаться я буду только его фонетики.

Говоръ Уломскій. Общая ориентировка въ говорѣ.

Описанный мною «Уломскій» говоръ является типичнымъ для значительнаго круга деревень не только одной Уломской волости, но и другихъ сосѣднихъ съ ней. Точно и вполне опредѣленно границу его мнѣ удалось установить только съ одной южной сто-

роны. Границей этой является лѣсная за́сѣка, которая отдѣляетъ «Уломскій» край отъ «Ваучскаго», граничащаго по рѣкѣ Мологѣ съ Весеьгонскимъ уѣздомъ¹⁾. Что же касается границъ говора съ другихъ сторонъ, то онѣ пока являются для меня открытыми. [Подробно объ этомъ см. приложенную карту].

Особенно подчеркну, что описанный мною говоръ отличается вообще простотой, относительной ясностью и звуковой прозрачностью, въ особенности гласныхъ звуковъ. Что меня поразило, такъ это особенная тоника говора. Отъ самаго спокойнаго повѣствовательнаго разсказа вѣдетъ какой-то строгостью, порой грубостью, съ отгѣнкомъ сердитаго ругательства. Я объѣхалъ довольно много деревень края, и это общее впечатлѣніе сердитости рѣчи меня не покидало, а все болѣе укрѣплялось и особенно по направленію къ сѣверной границѣ, мною обследованной мѣстности, къ деревнѣ Верховью, гдѣ бранный, прямо таки страшный характеръ рѣчи крестьянъ поразителенъ.

Основу описанія я собралъ у трехъ лицъ: у 67-лѣтней старухи изъ деревни Верховья — «Марьи Митрѣвны Кулевой», у 22-лѣтней дѣвицы «Татьяны Ивановны Рогоиной» изъ деревни Рязань и у 57-лѣтняго крестьянина деревни Спирово — «Лазаря Ивановича Спирина». Лазарь Спиринъ по профессіи былъ кузнецъ, натура веселая, поэтическая, словоохотливый, любитель пошутить, къ тому же страстный охотникъ и рыбакъ, и имѣетъ сравнительно богатый запасъ словъ. Что же касается Марьи Кулевой изъ деревни Верховья и Татьяны Рогоиной, такъ онѣ мнѣ служили какъ бы для контроля въ нѣкоторыхъ явленіяхъ и выводахъ, касающихся жизни нарѣчія. Правда, до своего замужества Марья Кулева жила въ другой деревнѣ и волости, но, проживши потомъ 45 лѣтъ въ Верховьѣ, Кулева усвоила себѣ всѣ особенности этого самаго глухого мѣста изъ всей Уломы, мѣста, на которомъ менѣе всего отразилось какое-либо внѣшнее

---

1) Улома и Ваучь — мѣстности, расположенныя по рѣчкамъ Уломка и Ваучь, въ юго-западной части Череповецкаго уѣзда.

вляніе, такъ какъ его съ одной стороны окружаетъ мохъ, а съ другой лѣсъ, черезъ который сравнительно недавно только проложена дорога въ Улому. Недаромъ чистые «уломцы» говорятъ про Верховье, что «оно находится въ трехъ верстахъ отъ ада».

Въ изслѣдованіи тонкихъ и трудныхъ вопросовъ описанія я не претендую на научность и законченность, тѣмъ болѣе, что у меня подъ руками не было никакихъ приборовъ для изученія звуковъ, и я полагался исключительно только на свой слухъ.

ЧАСТЬ I. ФОНЕТИКА.

§ 1. Гласные — обозначеніе и характеръ ихъ.

Въ изслѣдуемомъ говорѣ главная и отвѣтственная работа падаетъ на гласные звуки, тогда какъ согласные склонны не такъ часто проявляться и не отличаются вообще отдѣлкой и выработанностью. Языкъ говора въ общемъ артикулируетъ болѣе задними частями, если не считать часто встрѣчаемую палатализацию согласныхъ. Участіе губъ довольно умѣренное и неэнергичное; въ связи съ этимъ лабиализация «о» и «и», хотя и окающаго говора, но развита не въ крайней степени. Гласные не назализуются; правда въ словѣ D'цѣнка (Дунька) мнѣ удалось подмѣтить назализованное «ц», но я его считаю просто ослышкой.

Для передачи гласныхъ звуковъ въ описываемомъ говорѣ употребляются слѣдующіе знаки:

а, ä, ä; ó, о, ö, ö; и, ü, ü; у, é, е, je, i, j.

а — гласная задняго ряда, открытая.

ó, о — гласныя задняго ряда, среднія, лабиализованныя.

и — гласная верхняя, задняго ряда, лабиализованная.

у — гласная верхняя задняго, больше средняго ряда.

í, i — гласныя передняго ряда, верхнія.

é, е — гласныя передняго ряда, среднія; при чемъ первое болѣе верхнее узкое, палатальное и близкое къ «i», а второе болѣе открытое и широкое.

Въ азбукѣ описываемаго говора, при условіи фонетическаго

правописанія, необходимо допустить также звуки ä, ü, ö; ü и ö въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ð неслоговое послѣ ударенія пропадаетъ передъ «и» и «о» — znáüit, s'm'ëüt, nad'ëüs' и т. под.; при тѣхъ же условіяхъ, послѣ ударяемаго «а» неслоговое ð пропадаетъ въ закрытомъ слогѣ передъ «е», допускающемъ переходъ неударяемаго «е» въ «ö», такъ напр., znáeš, znáöš, или ä вмѣсто ðа въ словахъ zat'ëä, pos'iat' при pos'ëät' и подобн. (подробно объ этомъ см. § 6).

ja, jo, ju, je — гласныя іотированныя (см. § 6).

j — знакъ, соответствующій «й» и «ь» «ь» въ срединѣ словъ (s'em'já).

Что касается значка ˘ надъ гласными ó, é, í, то онъ обозначаетъ ударныя гласныя и вмѣстѣ показываетъ ихъ природу подъ удареніемъ, которое возрастаетъ въ нашемъ говорѣ «crescendo», и которое нѣсколько вытягиваетъ гласную, раскрывая ее. Въ сущности слѣдовало бы этимъ значкомъ снабдить всякую ударную гласную, но, чтобы не затруднять транскрипцію, я употребляю его надъ ó, é, í, т. е. надъ такими гласными, передняго и задняго ряда, которыя наиболѣе типично раскрываются смысломъ этого значка и наиболѣе полно его требуютъ (см. § 2).

Описываемый говоръ относится къ вѣтви сѣверно-великорусскаго поднарѣчія. Главными чертами своими онъ можетъ считать полное сохраненіе древняго неударяемаго «о» и сохраненіе древняго ударяемаго «а» безъ измѣненія. Рѣдкіе кажущіеся случаи «аканія» въ говорѣ либо относятся къ заимствованіямъ изъ акающихъ говоровъ и книжнаго языка или существовали съ а еще въ древности, какъ-то: saldát, kalf'éty, kagár, Ras'ëä и т. п.; точно также наблюдаемые robóta, poróm и др. сохраняютъ древнее о, а не переходъ а въ о.

Изъ гласныхъ задняго ряда «а» нашего говора не задержитъ надолго вниманія изслѣдователя. Оно вообще сходно съ а литературнаго языка. Въ ударяемыхъ и закрытыхъ слогахъ оно звучитъ болѣе или менѣ «напряженно» съ замѣтной количественной разницей сравнительно съ открытымъ и безударнымъ а; такъ

напр., *dát', krás', váš, tkát', grát' kabát'c'ik* и т. д. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, его можно назвать «ненапряженнымъ» и сопоставить съ «нормальнымъ» а литературнаго языка, только болѣе устойчивымъ и въ безударныхъ слогахъ, такъ напр., *gor'-kája, skat'it'c'i, nazábol'snoj* (настоящій), *támo, grad'ina, duša, karár, anbár, báuška* (баушка), *babúška* (игрушка, бабúшками назыв. также васильки), *krar'iva* и т. д.

Чистая природа гласной о закрытаго звука выявляется въ словахъ, начинающихся съ ударнаго ó, такъ напр., *ótur, óz'ogo, óbolokó, ós'en', ól'xa* и т. п. Въ такомъ положеніи о несомнѣнно «напряженнаго» образованія, особенно Верховскій источникъ, и количественная разница его съ о «ненапряженнымъ» легко уловима; гласная здѣсь какъ будто вытягивается, а восходящая сила ударенія вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько раскрываетъ ее.

При тѣхъ же условіяхъ, еще болѣе съ закрытымъ оттѣнкомъ произносится ó въ закрытыхъ слогахъ такихъ словъ какъ: *róí, lópr, kót, kón', krót, móx, tórx, sxót, xót, xós, gospót', paraxót, rót, dópr, p'egók, nók, markóf, l'ubóf, rós, rór, bór* и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и въ выше приведенныхъ — *óz'ogo, ótur, ós'en'* и др., гласная ó имѣетъ высшій «собственный тонъ» сравнительно съ о.

Такая гласная заднеязычная артикуляція и составляетъ ядро упоминаемыхъ здѣсь слоговъ для закрытой и напряженной ó. Вотъ почему надъ ó я и употребляю символическій значокъ въ видѣ черты снизу и слѣва, вверхъ и направо.

Такимъ образомъ о въ подобныхъ условіяхъ, зафиксированное въ своей конечной произносительной стадіи, становится тѣмъ «круглымъ» о, которое встрѣчается во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда оно находится не подъ удареніемъ, или въ открытомъ слогѣ, даже когда оно ударное и оканчиваетъ слово, какъ напр., *sl'epój, kol'osó, molokó, davnó, rovnó, rožestvó, kovó, tovó, c'övó, bol'šó, kosój, žonój* и т. д. Въ этихъ случаяхъ, хотя «о» и остается закрытымъ, но уже звучитъ ненапряженно, при чемъ

гласную слога здѣсь слѣдуетъ опредѣлить, какъ такую артикуляцію, которая однообразна сначала до конца.

Однако не представляется возможнымъ сгруппировать все найденные случаи съ *ó*, кромѣ уже отмѣченныхъ и тѣхъ общихъ условій, что въ неударяемомъ слогѣ *ó* вовсе не встрѣчается; да-лѣе, повидимому, *ó* не могло развиваться изъ *’o*, явившагося на мѣстѣ древняго *e* въ извѣстныхъ положеніяхъ, какъ *m’ót*, *s’ól* (пчелъ), *s’ól*, *mojój*, *o-fs’óm*, *fs’ój*, *rojóš* и т. д., слѣдовательно, не встрѣчаемъ *ó* и послѣ палатальной согласной.

Нельзя предполагать и того, чтобы *ó* развилось изъ стараго *ъ*, потому что на ряду съ такими словами какъ *ról*, *tógx*, *móx*, *kót*, *lór*, *dór*, *kól* и др., гдѣ стояло въ старину *ъ* на мѣстѣ современнаго *o*, мы встрѣчаемъ такое *ó* въ словахъ *ól’xa*, *ós’ep’*, *ótrup* и т. д., въ которыхъ *ъ* на мѣстѣ нашего *ó* предполагать никакъ нельзя, или во флексіи существованіе *ó* въ закрытомъ слогѣ въ такихъ формахъ какъ: *snóx*, *nók*, *kós*, *vnógo* *n’ekrutóf*, *mužúkóf*, *sarogóf* и т. д., а въ такихъ словахъ какъ *vóspa*, *vóstroj* и т. д. *o* звучитъ ненапряженно.

Изъ этого краткаго очерка о природѣ гласной «*o*» описываемаго говора можно усмотрѣть, что «Уломскій» говоръ, допуская аналогію въ образованіи и употребленіи «напряженнаго» *ó* съ «Тотемскимъ» говоромъ, въ значительной степени раздвигаетъ обзоръ той рамки, внутри которой существуетъ «напряженное» *o* въ Тотемскомъ говорѣ; таково *ó* въ началѣ слова: *ótrup*, *óz’ogo*, *ódal*, *ós’ep’*, *ófc’i* и т. под., на мѣстѣ стараго *ъ* въ срединѣ слова: *lór*, *róf*, *dóš*, *móx*, *sóp* и т. д. Сравн. *ó* чистое въ нашемъ говорѣ съ сильно выраженнымъ «дифтонгическимъ» *ó* (*ruól*, *takúóf* и т. д.) «Тотемскаго» говора (см. Брокъ, Описаніе Тот. гов. въ Сб. И. Ак. Н., т. 83, §§ 5 и 14).

Третья гласная задняго ряда «*y*» въ описываемомъ говорѣ не различаетъ какой-либо категорической разницы съ языкомъ

1) См. Брокъ. Описаніе одного говора изъ юго-западн. части Тотемскаго уѣзда. Сб. Отд. р. яз. и сл. Им. Ак. Н., т. 83, 50.

литературнымъ. Вообще ее нужно признать узкою гласною, допускающей разные оттънки въ зависимости отъ окружающихъ, особенно предшествующихъ согласныхъ. Но и при этомъ условіи природа этой гласной не допускаетъ какихъ либо особенныхъ различій, хотя бы съ «Тотемскимъ» говоромъ (см. Брокъ 13 стр. *ibid.*), развѣ только слѣдуетъ указать на то, что звукъ «у» послѣ плавныхъ l, r имѣетъ почти одинаковую иннервацію съ «и», «о»: сравн. *bágošn'a*, *mólun'ja*, *mólou'ja*, *mólun'ja*, гдѣ неударяемое у послѣ l, r легко сбивается на звуки и, о. Зато въ такихъ случаяхъ — *žyt'*, *šyt'* — «у» двигается впередъ подъ вліяніемъ слѣдующей палатализации и послѣ «шипящихъ», и образуется чуть ли не на границѣ гласныхъ «передняго» ряда.

О напряженности гласной «у» можно говорить только тогда, когда она встрѣчается въ закрытыхъ слогахъ и подъ удареніемъ, такъ напр., *byl*, *vyl*, *ryl*, *syt* и т. под., да и то не въ абсолютномъ смыслѣ.

Изъ обозрѣнія гласныхъ фонемъ говора въ разныхъ положеніяхъ явствуетъ, что самую устойчивую и самой неподвижной на обезличивающее вліяніе ударенія является фонема «и». Нашъ говоръ не различаетъ въ ней опредѣленныхъ категорій, развѣ только неударяемое «и» имѣетъ иногда настолько ослабленную иннервацію, что въ извѣстныхъ случаяхъ его можно опредѣлить, какъ «ненапряженное», а въ единичныхъ случаяхъ это ослабленіе даетъ — *u^ogur'éc'*, *u^okurátno*, *u^okun'Is'* и т. п., въ которыхъ положеніе языка приближается къ гласной «о».

Единственный случай съ краткимъ *и* въ словѣ *báuc̣ka*, связаннѣй съ опущеніемъ цѣлаго слога «ви», я не ставлю въ счетъ.

Изъ гласныхъ передняго ряда, высокая гласная «і» въ описываемомъ говорѣ допускаетъ два замѣтныхъ оттънка. Подъ удареніемъ она всюду звучитъ напряженно. Въ словахъ *v'ítko* (видно), *ov'ín*, *ínac'e*, *íva*, *par'íšom*, *pros'íl*, *l'ípa*, *m'íloj*, *od'ínac'et'*, *n'ízovoj* и под. — «і» высокое твердонебное. Но въ словахъ — *xoíl*, *voíl*, *loíl*, *zadail* и т. д., вообще, когда оно стоитъ послѣ пропущеннаго губного или зубного, оно, сравнительно съ обычнымъ,

занимаетъ болѣе низкое положеніе и звучитъ менѣе палатально. Къ обычному своему положенію въ этомъ случаѣ оно возвращается въ закрытомъ слогѣ, оканчивающемся палатальнымъ взрывнымъ, какъ-то: хоít', лоít' и т. д.; въ индивидуальныхъ случаяхъ, въ томъ положеніи можно было различать призвукъ, зубного — хо'ít', но губного не появлялось. Въ описываемомъ говорѣ «і» находимъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и въ литературномъ языкѣ — звон'ít', spust'ílaś, ostr'ík, kr'ínka etc.; кромѣ того — на мѣстѣ стараго ѣ: z'd'ís'a, z'd'ís', s'ím'a, gr'íšn'íc'a, s'm'ís', v'ín'ík, s'ít' (сѣть) vm'ís't'e, pos'p'il'i, n'ed'il'a, ср. b'ís'ětka и т. д.; но эти слова немногочисленны, и подробнѣе объ нихъ въ связи съ гласной е.

Второй гласной передняго ряда является ё, е. Послѣ ударяемаго слога всегда находимъ обыкновенное открытое, ненапряженное «е», напр., f-tom bolo't'e, rós'l'e, рó r'ek'e, ро'g'íbel'. а іá et', даже v'íd'al (íd'äl) по аналогіи съ «взять» и подобными. Передъ ударяемымъ слогомъ, въ положеніи передъ твердой согласной встрѣчаемъ тоже ненапряженное «е» — с'v'etnój, r'ed'óxon'ko, l'efśá, r'eká, s'n'egá, b'egú, z'eml'á, p'eškóm, даже b'ázŷš, роe^äžd'áj и т. д. Передъ мягкой согласной въ слогахъ передъ удареніемъ находимъ е болѣе узкое, палатальное (eⁱ), склонное, въ немногихъ словахъ даже развившееся въ «і»; примѣры: str'il'át', s'ím'ená, od'íjalo, m'in'át', с'id'ít'. Въ ударяемомъ слогѣ опять нужно различать положенія передъ «мягкой» и «твердой» согласной. Въ первомъ случаѣ ё всегда узкое, напряженное, въ нѣкоторыхъ словахъ развившееся прямо въ «і» — s'ít', s'ím'o, ís' (ѣсть), s'iv'erko, zd'ís', vm'ís't'e, pos'p'il'i, n'ed'il'a, um'íöš; даже gr'íšn'íc'a, zd'ílaŷ, но примѣры эти однако такъ немногочисленны, что въ нихъ і вмѣсто ё — плн явленіе случайное, заимствованное изъ сосѣднихъ говоровъ, или представляетъ остатокъ прежней звуковой картины, когда-то бывшей въ говорѣ, или явленіе чисто фонетическое, скорѣе то и другое, но объ этомъ ниже. Здѣсь же кстати будетъ оговориться, что въ нашемъ говорѣ такія слова съ «і» вмѣсто «е» употребляются больше стариками, и Верховскій

источникъ ими богаче, нежели Спировскій. Но все-таки гораздо чаще, и пожалуй исключительно, какъ правило, передъ «мягкой» согласной въ ударяемомъ слогѣ мы находимъ *é* съ особенно узкой, передней артикуляціей, приближающейся къ «i»: l'én' (l'in'), s'és't'i, s'én'i, fstr'éc'ä, l'éz'oš, pov'é's'it', p'ét', kon'éc', na étom l'ét'e, skor'éje, d'én', dv'ér' и т. д.

Напряженнымъ придется считать «*é*» въ ударяемомъ слогѣ и передъ твердой согласной, и въ концѣ слова; правда, здѣсь оно будетъ не такимъ узкимъ и закрытымъ. Примѣры тому многочисленны въ разныхъ морфологическихъ формахъ: s'id'éla, m'éra, kr'és, b'éloj, n'ev'éška, xl'ép, l'ésom, d'édo, s'n'ék, s'm'éla, ob'é-dat', r'étkoj, l'éto, d'éfka, or'éx, ott'éx, m'élko, t'el'éga, man'éta, m'in'é, t'ié, fs'é, dv'é, on'é, c'ép, r'ézvoj, rotoz'éj, jém, jěš, jéxat', иногда jétot, on'étot и т. д. Весь фактическій матеріалъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что *é* идетъ по пути раскрытія. Здѣсь мы находимъ полную аналогію съ развитіемъ и движеніемъ гласной фонемы *ó*, почему ударяемое и напряженное *é* мы снабжаемъ тѣмъ же значкомъ, что и *ó*. На основаніи сказаннаго о развитіи гласной *é* можно предположить, что въ жизни говора былъ когда-то моментъ, когда на мѣстѣ стараго узкаго и долгаго *é* въ закрытыхъ слогахъ вездѣ стояло *i*; что *é* въ нашемъ говорѣ вообще по природѣ своей близко къ *i*, можно видѣть хотя бы изъ того, что мы и въ настоящее время имѣемъ рядъ словъ: zdís', s'ít', s'iv'er и s'iv'or, xm'il', umiü, p'ixát', s'ic'ás, v'in'ik, s'm'ial'is'—s'm'ial'is', k'il'ja и т. д., въ которыхъ, при благопріятныхъ для сего случая обстоятельствахъ, *é* узкое развилось въ *i*, а послѣ распространилось по аналогіи и на другіе случаи. Подъ благопріятными обстоятельствами я разумѣю положеніе узкаго *é* въ закрытомъ слогѣ между палатализованными согласными (zd'is'). . .

А что это *i* на мѣстѣ стараго долгаго *é* остатокъ когда-то бывшей звуковой картины, а не нарождающееся вновь явленіе, такъ это подтверждается стремленіемъ къ раскрытію всѣхъ узкихъ гласныхъ въ современной жизни говора.

Чтобы покончить съ основными гласными говора, слѣдуетъ

отмѣтить, что е въ началѣ словъ произносится почти какъ исконное славянское, т. е. съ *i* впереди: *ǰévo d'e, ǰédak, ǰéxat'*; по ро́е-xal, ǰétot, ǰés' (есть); ǰém, ǰél' (ель) и т. д. (См. § 6).

§ 2. Обь удареніи и интонаціи рѣчи.

Не менѣе существеннымъ моментомъ въ нашемъ говорѣ является вопросъ обь удареніи, и это тѣмъ болѣе важно, что главная и отвѣтственная работа падаетъ на гласные звуки. Въ любомъ словѣ, независимо отъ характернаго тона гласнаго, ударная гласная выше послѣударной по крайней мѣрѣ на нѣсколько тоновъ; такъ напр., въ такихъ словахъ какъ *t'át'ka, poés'ila* и т. п., если мы условно обозначимъ тонъ ударнаго слога цифрой 4, то непосредственно за нимъ слѣдующій слогъ будетъ имѣть удареніи на 1. И въ слогахъ передь удареніемъ можно отмѣтить эти черты, только въ меньшей степени. Такъ, сопоставляя «а» перваго и втораго слоговъ въ словахъ *tkalá, gnalá, šalá* и др., можно отмѣ-
2 4   2 4   2 4
 тить, что неударяемое «а» въ отношеніи къ ударяемому, хотя и не выказываютъ отгѣненія въ направленіи къ «о», все же замѣтно ослабляетъ артикуляцію. И если мы условно обозначили состояніе ударной гласной и гласной непосредственно за ней слѣдующей отношеніемъ 4 : 1 или 4 : 0, такъ здѣсь придется обозначить отношеніемъ 4 : 2. Больше всего подвергаются ослабленію въ артикуляціи гласныя задняго ряда, а изъ нихъ «о». Такъ въ словахъ *kórop, górot, bógátój, lóvok, výšyto, bábam* и др., гласныя
4 0   4 0   4 0   4 1   3 0   3 0
 слоговъ послѣ ударенія значительно ослаблены сравнительно съ тѣми же звуками ударяемаго слога. Но не всюду эта склонность развивается одинаково сильно, и направленіе этого передвиженія гласной къ «нулю» послѣ ударяемаго слога зависитъ до извѣстной степени отъ характера окружающихъ звуковъ. Если мы условно, въ такихъ словахъ, какъ *xórom, górot, kórop, ǰétot* и т. п., глу-
4 0   4 0   4 0   4 0
 хой гласный примемъ за «нуль» въ акустическомъ смыслѣ, хотя въ нашемъ говорѣ гласныхъ нулей не наблюдается вовсе, то въ словахъ *góbok, lóvok, dóbok* и под., его придется принять за еди-
4 1   4 1   4 1

нишу. Для «а» такой отгѣнокъ будетъ въ словахъ *dámat, bábat* и т. д. Въ гласной «у» также замѣтны слѣды подобнаго ослабления артикуляціи послѣ ударенія: *káby, vŭšyto, dónuško*, даже *bórzum, b'er'ózyn'ka* и т. д.¹⁾ Я не буду подробнѣе останавливаться на этомъ явленіи измѣненія природы и тона гласныхъ въ связи съ удареніемъ, не буду приводить примѣровъ на слабѣйшіе слоги съ гласными передняго ряда, какъ-то съ «і», «е» (См. § 1); также не буду выяснять отношенія тоновъ предударнаго и ударнаго слоговъ, тѣмъ болѣе, что эти явленія для «Уломскаго» говора не являются исключительными и оригинальными, а раздѣляются всѣмъ русскимъ языкомъ²⁾. Все дѣло въ отгѣнкахъ, насколько ослаблены неударные слоги, а это ослабленіе въ нашемъ говорѣ весьма значительно. Выдыхательная сила, рассчитанная на цѣлое слово, почти вся поглощается ударностью слоговой части, лишая слѣдующій за удареніемъ слогъ совсѣмъ его звучности, этотъ послѣдній только намѣчается въ артикуляціи, и произносится хотя съ полной звуковой окраской, но безъ всякой экспираціонной энергіи. Экспираціонная верхушка главнаго ударяемаго слога въ словѣ бываетъ такъ высока, что лишаетъ и предударный слогъ въ значительной степени его напряженія. Она же обостряетъ слоговыя усилія словъ, придавая имъ какъ бы выдыхательные толчки, нажимы и порывы. Особенно показателенъ съ этой стороны былъ Верховскій источникъ, тогда какъ Рязанскій обладалъ замѣтно ослабленной артикуляціей; вообще женщины, насколько мнѣ удалось наблюдать, отличаются замѣтно вялой и малоподвижной артикуляціей.

Слѣдствіемъ этой поглощающей силы размаха ударнаго слога являются, мнѣ кажется, два факта въ нашемъ говорѣ: усиленное употребленіе мѣстоименныхъ членовъ и впечатлѣніе второго уда-

1) Также у Брока, ср. 12 стр. Описанія Тотемск. гов.

2) См. объ этомъ: Бодуэнъ-де-Куртенэ. Введеніе въ языков., литограф. курс.; 4-е изд. и др. общіе курсы А. А. Шахматоев. Русск. и словенск. аканіе.

ренія въ длинныхъ словахъ, и, конечно, само собой—правильное удлиненіе ударяемаго слога болѣе или менѣе въ зависимости отъ эмфаза.

1) Ударность такъ раскачиваетъ рѣчь, такъ выносить ударяемые слоги изъ общаго строя музыкальнаго и тональнаго строенія, экспираціонная волна изъ легкихъ такъ ударяетъ въ натянутыя голосовыя связки, что голосъ при своемъ паденіи прямо-таки ищетъ точки опоры. Такой опорой для словъ и служатъ мѣстоименные члены, которыхъ въ описываемомъ говорѣ можно найти достаточно въ большомъ количествѣ. Ихъ необходимость чувствуется особенно, когда удареніе въ словѣ падаетъ на послѣдній слогъ: — *s'övó vz'át'-ta*, *kudy xoil'-ta* (*xod'il*), а *íón-to*, *ot'éc'-ot*, *otól'-ta* и т. д. Съ той же точки зрѣнія они объяснимы здѣсь и при другомъ положеніи ударенія въ словахъ: *u-d'er'évn'i-ta*, *kól'ko vr'ém'a-ta*, *p'érho-to*, *P'ótro-ta*. *s'övó ím'óš d'élat'-ta* и т. д.

Кромѣ этой чисто механической роли, мѣстоименный членъ въ значительной мѣрѣ сглаживаетъ и растяженіе ударныхъ гласныхъ.

2) Точно также въ особенныхъ условіяхъ тона ударныхъ слоговъ заключается и второе явленіе въ изслѣдуемомъ говорѣ, касающееся второго ударенія. Такъ, если послѣ ударяемаго слога имѣется въ словѣ больше одного слога, то легко развивается второстепенное удареніе, экспираціонная сила котораго приближается къ силѣ слога подъ главнымъ удареніемъ. При чемъ изъ ряда примѣровъ мнѣ удалось замѣтить такое правило: многосложное слово, начинающееся ударнымъ слогомъ даетъ второе удареніе той же силы на третьемъ слогѣ отъ перваго ударенія: *výt'er'eb'il'i*, *vútašt'il'i*, *kólokoló* и т. д., а трехсложное на второмъ: *z'él'enó*, *íáblokó*, *mál'en'k'i* и т. п.; при чемъ въ такихъ случаяхъ второе конечное удареніе сильнѣе перваго и раздвигаетъ массу гласнаго звука: $\bar{o}\bar{o}$, $\bar{i}\bar{i}$ въ такомъ приблизительно видѣ.

Если слово начинается неударнымъ слогомъ и слогомъ, содержащимъ долгую гласную «напряженную» или открытую, то вто-

рое удареніе появлялось на второмъ слогѣ отъ ударнаго *g'ed'ó-xon'koj, bogátyi, oxót'ílsj* и т. д. При чемъ двойное удареніе мнѣ приходилось отчетливо наблюдать только въ отдѣльныхъ словахъ, а не въ цѣлой фразѣ. Отмѣченные случаи, какъ *vjt'er'eb'í'i l'ón, по ón odoxníl* и т. п. въ значительной степени осложняютъ вопросъ о второмъ удареніи, такъ какъ въ нихъ на видъ сложнаго слова вліяетъ удареніе несложнаго, рядомъ стоящаго.

Нѣкоторой особенностью нашего говора является движеніе тона въ ударяемыхъ слогахъ. Такъ, внутри самаго ударяемаго слога замѣчается нѣкоторая склонность къ извѣстному повышенію тона, при чемъ экспираціонную силу слѣдуетъ характеризовать въ спокойномъ повѣствовательномъ выраженіи — возрастающей; такимъ образомъ «верхушка» слога въ нашемъ говорѣ находится въ конечной части гласной, которая, кстати сказать, нѣсколько вытягивается и удлинняется (См. § 1), напр., *pol'ísát, ídno* (видно), *stánu* и т. п.

Восходящій тонъ внутри ударяемаго слога находится и при слитіи двухъ слоговъ въ одинъ, въ случаяхъ какъ *byvát, s'íét, zaobolác'ívát* и т. д. Изъ *byvaet, s'iet, zaobolác'ivaet*, и въ открытомъ слогѣ.

Въ вопросительныхъ или сомнѣвающихся выраженіяхъ распределеніе экспираціонной силы въ слогѣ не носитъ постоянного характера: *s'óvó?, s'óvò?*, хотя примѣровъ больше на первый случай; также въ краткомъ діалогѣ: *t'orló?* — *n'e xólodnó*; при чемъ въ словахъ *xólodnó, kórotk'í* и под., послѣднее о выше по тону перваго ударяемаго и выбрасывается съ большей силой: видимо въ нихъ динамическое удареніе совпадаетъ съ тоническимъ.

Что же касается распределеніе тона въ словахъ и цѣлыхъ фразахъ, то условная картина тона въ такихъ словахъ какъ *postot'í* и под., принимаетъ такое изображеніе по *smo trí*, т. е. съ самымъ низкимъ тономъ второго слога и съ самымъ высокимъ въ третьемъ слогѣ, а не такое по *smo tr'í*, какое констатировалъ нр. Брокъ для Тотемскаго говора¹⁾. Нѣсколько дру-

1) См. Брокъ. Описаніе, стр. 20.

исполняются въ единицу времени одного, благодаря чему и получается впечатлѣніе правильнаго чередованія такта и размѣренности строя рѣчи.

Само же удареніе въ описываемомъ говорѣ занимаетъ самое разнообразное мѣсто и положеніе, поэтому строго обязательнаго правила здѣсь установить нельзя, тѣмъ болѣе, что въ говорѣ замѣтно выступаютъ слѣды втораго ударенія, и что на ударенія вообще вліяетъ настроеніе самой фразы. . .

§ 3. О согласныхъ. Къ характеристикѣ губныхъ и зубныхъ.

Согласныя, какъ я уже выше упомянулъ, въ описываемомъ говорѣ не отличаются выработанностью и отдѣлкой и при всякомъ удобномъ случаѣ ослабляются въ произношеніи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ болѣе всего выпало на долю фрикативныхъ губныхъ и зубныхъ; но при всемъ томъ, описываемый говоръ не представляетъ въ артикуляціи согласныхъ крупныхъ принципиальныхъ различій отъ образованнаго русскаго языка. Укажемъ самыя общія случаи отклоненія въ произношеніи согласныхъ.

V — нормально, чисто губно-зубное, съ неакуратнымъ произношеніемъ и артикуляціей. Мой матеріалъ не позволяетъ сказать что-либо опредѣленнаго объ участіи верхней губы въ его произношеніи и объ отношеніяхъ и переходѣ «V» въ «W»; скорѣе всего, что чистая губно-губная длительная W въ нашемъ говорѣ ясно не различается совсѣмъ, и если встрѣчается, то только спорадически. Зато лабиализація, переданная отъ слѣдующей гласной «ш», всегда предупреждала «v» (w) и оно терялось въ произношеніи такихъ словъ, какъ vdoú (вдову), zoú (зову), n'e zoút, gólou (голову), d'euška, r'eún (ревунъ), loúška и др., допуская даже зіяніе. Не встрѣчается v и въ такихъ случаяхъ, какъ: samoáŕ, skvós' s'u (всю) ós', ýmoju (вымою), núk-ot (внукъ), íš (видишь), aršava, s'ivolót, izloil'i, dugr'ienoj, zábol'snoj (настоящій — взабольной), motoílo, stáim, uezl'i, tý ét' (вѣдь), ráz'e (развѣ), zdrástuj, nutr'enój, takós'koj, nastr'éc'u, zdúmat, óskr'is'éň'jo. oen'ikóŕ, do éc'óra. c'oloék, dáec'i, loát, loí, postáit', zanaésk'i,

pr'iez'ót, n'e idyval, n'e slatko idno žýt'-ta, хотя v'ítko, oz'mót, zóut-ta, výolokl'i (вытащили), zaorác'ivat, ertušok (вергушокъ-запоръ), na-smórg'e (на взморѣ), rukaí'ca, dva edra, pr'ibáila, n'e ížu et', razdaíl, om'ela ín'ikom (вѣнникомъ), ustáit' sóxu (направить), žuráik'i (клюква), paivát' и т. д. Ср. kabýt'o (какъ будто) и др.; хотя v'ospa, v'ostroj, tovdý, kovdý, tvoevó, našova, dóbrova и т. п. Губно-зубная длительная согласная «v» при потерѣ голоса переходитъ также въ губно-зубное «f»: l'isaf'éta, oftór'n'ik, rakóf, l'ubóf и т. д.; отвердѣнія губныхъ въ концѣ слова говоръ не знаетъ совсѣмъ. Нѣкоторую аналогію съ развитіемъ губно-зубной согласной v находимъ въ развитіи d. Въ положеніи передъ гласными передняго ряда зубной согласный d часто не выговаривается. Въ самомъ дѣлѣ, гораздо проще въ такихъ словахъ, какъ gl'eí, roxóim, góspoi, d'áina (дядина) goń'ík, n'óm-t'e, laŋo, rojóm-t'e, prajóm и др. — перейти отъ артикуляціоннаго установленія одной гласной къ другой, не вызывая зубного шума. (Рязанскій источникъ въ особенности), хотя отмѣчены такіе случаи, какъ zdr'a, uroždáj, ndraf. При чемъ въ такихъ словахъ, какъ gl'eí, xoíl, d'áina и под., хотя зубная не произносится, ее предупреждаетъ jotaція гласной, но всетаки какъ бы получается легкій отгѣнокъ «d»; зато въ такихъ случаяхъ какъ pr'ajom, rojóm-t'e и под. неслогообразующая согласная—j стоитъ всегда на мѣстѣ зубного «d».

§ 4. Согласныя «шипяція».

Особенности нашего говора въ отношеніи къ «шипящимъ» будутъ заключаться прежде всего въ томъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ такихъ «шипящихъ» образованнаго русскаго языка, какъ «щ», «ц», «ч»: «щ» въ описываемомъ говорѣ находимъ въ сочетаніи, отдѣльные элементы котораго будутъ š' и t' (š't'), при чемъ š' въ этомъ сочетаніи подъ вліяніемъ слѣдующей палатальной t' болѣе передняго образованія, чѣмъ š свободное, напр., tóšt'a, št'í, št'úka (щука), но štúka, dom'íšt'o, uc'il'íšt'o, íšt'ó иногда íšk'ó (у дѣтей), ср. k'ésto, št'ipát, tólšt'e, pološt'í, v'ýtašt'il'í и v'ýtaš-

k'il'i, poišt'i и т. д. Единственное слово, такъ сказать, съ «нормальнымъ» «щ», которое мнѣ пришлось слышать за все время моего пребыванія въ краѣ — это была фамилія, когда-то бывшей помѣщицы Уломскихъ крестьянъ кн. Щербатовой, въ которомъ «щ» звучало какъ šš; въ концѣ слова, когда глухая согласная t' сочетанія št' теряется въ пропзношеніи, то мы вмѣсто št' на мѣстѣ «щ» имѣемъ простое долгое š: l'oš (лещь), tavár'iš v'ěš и т. под.

Старые «ч» и «ц» въ говорѣ также совпали въ одинъ звукъ, передаваемый с'. Его собственно скорѣе слѣдуетъ отнести къ «свистящимъ», нежели къ «шипящимъ», такъ какъ въ природѣ его можно ясно различать органическое слитіе двухъ «мягкихъ» согласныхъ t' + s', при чемъ изъ этого сочетанія явственнѣе выступаетъ s', чѣмъ глухое t'. (Ср. польское c'). Примѣры съ с' встрѣчаются всюду въ описаніи: dvát'et', zavoc'koj, goroč'koj, troic'ka, g'it'äötc'i (качается), s'üötc'i, ot'ě'c, katc'om (палкой), kabát'ik, t'éc'a (течь—сущ.), v'éc'or, v'yc'ar'il (вытащилъ) и т. д. Слѣдуетъ также отмѣтить, что s' въ своемъ образованіи стоитъ уже на границѣ ряда š', и что его развитіе въ эту сторону явственно выступаетъ въ такихъ словахъ какъ potsv'ěšn'ik, d'ev'išn'ik, т. е. въ положеніи передъ п'. Какъ видно, элементъ t' здѣсь потерянь, а остающійся элементъ: «свистящее» s'—отошло къ болѣе заднимъ образованіямъ. (Ср. «Тотемскій» говоръ, въ которомъ природа и развитіе с' почти аналогичны съ нашимъ говоромъ).

Но въ такихъ словахъ, какъ s'ic'ás, m'ác'ik, kabát'ik и подобные, гдѣ въ языкѣ образованномъ находится фонема «ч», какъ будто можно было наблюдать выдѣленіе перваго элемента t' изъ сочетанія t's'(c'), а элементъ s' какъ-то терялся, такъ что если точно транскрибировать, то слѣдовало бы вышеупомянутыя слова написать такъ: s'it'ás, m'át'ik, kabát't'ik, is't'es (исчезъ), za t'iš-t'en'jo (за чищене).

Сопоставивъ это явленіе съ вышеуказаннымъ развитіемъ с' передъ п — (въ š), можно думать, что с' въ говорѣ идетъ по пути окончательнаго своего разложенія въ š' и t'.

Шипящія ž и š описываемаго говора принадлежатъ почти совсѣмъ къ заднимъ: это ясно изъ пропзношенія. Непосредственно

послѣ *ž, š* находимъ только «у», т. е. гласную средняго ряда вмѣсто «і»: *poKažú, vášy, výšyto, ržy, žyto zařešýl'i* и т. д. (См. § 1). Такое заднее положеніе языка легко дѣйствуетъ и на слѣдующую послѣ *ž, š* гласную «е», оттягивая ее немного назадъ, почему въ словахъ: *šes* (шесть-коль), *žer'd'iná* (жердь), *žéкс'и* (жечь), *šés't'ogo* и подобное «е» послѣ нихъ средняго образованія.

§ 5. Долгія согласныя.

Долгія согласныя весьма часто попадаютъ въ говорѣ, но при образованіи ихъ мы почти не встрѣчаемъ новыхъ группъ, сравнительно съ языкомъ литературнымъ, и акустическій эффектъ при удлиненіи получается тотъ же, т. е., при длительныхъ удлинняется самый шумъ ($\bar{n} \bar{s}$), а при мгновенныхъ ($\bar{t} \dots$) пауза передъ взрывомъ. Долгота согласныхъ также построена на принципѣ слитія двухъ элементовъ, которые или уже раньше тождественны ($t \rightarrow t \quad n \rightarrow n \quad k \rightarrow k$ и подобные), или же сначала подвергаются уподобленію. Случаи перваго рода находимъ, напр., при $\bar{n}$, $\bar{n}'$: *v'ĩnc'á, ós'ĩn'ic'ok, os'ópoj, tumánoj, okajánoj* и т. д., при $\bar{t}$, $\bar{t}'$: *jeťa* въ значеніи тогда, *ot'éx dn'ej, otól'-ta, on'éťa* (тамъ) *být'e rg'i m'és't'e* и т. д.

Особенно часто долгое $\bar{t}$ въ сочетаніи флексіи съ мѣстоименнымъ членомъ, такъ: *n'es'ót'a несеть-та, žýt'a, s'ovó vzát'a, drat'a drál'i* и т. д., первая часть согласной $\bar{t}'$ однако не теряетъ свою палатальность, часто вліяетъ даже на вторую (*vz'át't'a*). Далѣе $\bar{t}$ всегда находимъ передъ s' ; здѣсь видимо на долготу его вліяетъ первый элементъ составной s' ($t' s'$) $\bar{t}'$; примѣры: *ot'e'iknut'* (отбросить), *ot'e'ú, t'e'ós* и т. д.; долгое $\bar{t}$ этого же образованія находимъ во всѣхъ глаголахъ неопред. накл. и 3 л. ед. и мн. числа изъявительнаго и повелительнаго наклоненія: *kurát'e'i, g'it'áót'e'i* (качается), *vúy'ed'it'e'i, rus' on zabáite'i* и т. д. Нѣсколько особнякомъ стоитъ долгое $\bar{t}'$ и $\bar{n}'$ передъ j въ такихъ словахъ какъ: *svát'ja, plát'jo, no plát'já; ispytáñ'jo* и т. д. Случаи перваго рода долгихъ также встрѣчаются при $\bar{s}$: *šalá, šukát'* — настоящаго времени *sku*; при k : *kófk'e* (къ кофкѣ) и т. под.

Еще болѣе многочисленны случаи возникновенія долгихъ со-

гласныхъ черезъ уподобленіе; слѣдуетъ отмѣтить частью глухія п звонкія согласныя одного образованія, а частью уподобляется и само образованіе. Примѣры:

- I z + s даетъ $\bar{s}$: $\bar{i}\bar{s}v'inc'u$ (изъ свинцу).
 s + z — $\bar{z}$: $\bar{z}\bar{a}du$.
 t + d — $\bar{d}$: $\bar{o}\bar{d}\bar{a}s'i$, $\bar{e}\bar{t}\bar{o}\bar{d}\bar{u}r\bar{a}k$ (этотъ дуракъ), $\bar{o}\bar{d}\bar{a}l$,
 $\bar{o}\bar{d}\bar{o}xnu$, $\bar{o}\bar{d}'el'\bar{e}n'jo$.
 g + k — $\bar{k}$: $\bar{z}al'\bar{e}zo\ \bar{k}\bar{o}fk'e\ m'\bar{a}ko$, $l'o\bar{k}\bar{o}$.
 d + t — $\bar{t}$: $\bar{s}\bar{e}šn\bar{a}t'et'$, $tr'it'c'et'$, $s'\bar{a}tuda$ (сядь туда).
 k + g — $\bar{g}$: $\bar{g}\bar{o}rodu\ \bar{g}\bar{o}r'é$ (къ горѣ).

Пользуюсь случаемъ сказать, что природа заднеязычной согласной «g» въ нашемъ говорѣ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго сѣверно-великорусскаго «g». Его взрывной характеръ чрезвычайно близко подходитъ къ другому заднеязычному «k», чѣмъ объясняются частые случаи ассимиляціи $g + k = \bar{k}$, $k + g = \bar{g}$.

Сопоставивъ съ указанными выше случаями судьбу звонкихъ въ концѣ словъ: $\bar{d}\bar{o}r$ (добръ), $\bar{g}\bar{o}t$, $\bar{d}r\bar{o}f$, $l'ub\bar{o}f$, $\bar{d}rug'if$, также $\bar{z}d\bar{u}ru$, $\bar{g}dušé$, $\bar{s}y\bar{z}dal'$ (съиздалъ) и т. п., видимъ, что законы развитія говора въ этомъ отношеніи тѣ же самыя, что въ литературномъ языкѣ.

Нѣсколько другой результатъ, чѣмъ въ языкѣ русскаго образованнаго, даетъ вторая группа образованія долгихъ согласныхъ, напр.,

- II. $\bar{m}$ изъ $b + m$: $\bar{o}\bar{m}'el\bar{a}\ in'ikom$ (вѣнникомъ), $n'e\ \bar{o}\bar{m}\bar{a}nuvaj$,
 $\bar{o}\bar{m}akn'i$, $\bar{o}\bar{m}\bar{a}n$, $\bar{o}\bar{m}'\bar{e}n$ и т. д.
 $\bar{n}$ — $\bar{d} + n$: $\bar{n}'\bar{o}m-te$ (днемъ), $\bar{l}\bar{a}no$, $\bar{r}\bar{o}n'ik$, $s'o\ \bar{o}\bar{n}\bar{o}$ (все одно) и т. п.
 $\bar{z}$ — $s + z$: $\bar{z}\bar{o}t'c'i$ (сжѣтся), $\bar{z}\bar{o}noj$ (съ женой).
 $\bar{s}$ — $s(z) + s$: $\bar{s}yb'\bar{o}t$, $\bar{s}yt'jom$ (съ шитьемъ).
 s' изъ $\bar{s} + s'$: $\bar{o}roj\bar{a}š'i$ (опояшься), $\bar{b}\bar{o}iš'i$ (боишься) и др.

§ 6. Обь отношеніи j къ i, и случаи ихъ употребленія.

Мой матеріалъ не позволяетъ провести границу въ области образованія «придыхательной» согласной «j» п употребляемой какъ согласная гласной «i».

Мнѣ казалось, что предѣлъ образованія j и i лежитъ въ области образованія «напряженнаго» i; подтвержденіемъ этого положенія служили случаи какъ *ix, im, iva, ipac'e, is'* (ѣсть) и т. д., гдѣ передъ гласной не наблюдалось болѣе узкой артикуляціи, чѣмъ напряженное i и не получалось впечатлѣнія j или i. Но тогда оставались бы не объяснимыми формы въ такихъ примѣрахъ какъ: *pad-jim, k-jix, u-jix* т. е., тамъ, гдѣ придыхательное j въ языкѣ образованнаго человѣка замѣняется звукомъ п: *pad-n'im, u-n'ix* и т. д., или случаи, какъ *s'in'ij* и под.

Но принимая характеристику j и i, данную Броккомъ хотя бы при описаніи Тотемскаго говора, возможно будетъ установить нѣкоторые случаи ихъ употребленія. Что безсомнѣнная длительная согласная j съ ясно слышимымъ свойственнымъ ей «требіемъ выдыханія» встрѣчается въ говорѣ, такъ это фактъ; скажу болѣе,— она встрѣчается всегда тамъ, гдѣ неслогообразующая (j, i) вообще играетъ ту или иную морфологическую роль и въ концѣ слова, гдѣ она соотвѣтствуетъ й; при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ результатъ образованія j; а не i зависитъ больше всего отъ энергіи или артикуляціи выдыханія. Такіе случаи съ j мною отмѣчены въ глагольныхъ формахъ: *p'jú, b'jú, v'jú, b'jós* и т. д.; въ прилагательныхъ *ós'jo, p'os'ja roǒda*; въ существительныхъ: *s'v'in'jú, ovdót'ja, tal'jánka* (гармоника), *v'er'xón'jo, kog'jó* (кора ивы) и тому подобное. Особенно ясно выступаетъ типичный характеръ артикуляціи j въ положеніи послѣ согласной, въ словахъ *rodjázok* (рыба), *s'ji* и подобные. Не менѣе интересно при опредѣленіи характера звука j — положеніе его въ концѣ слова послѣ i, напр., *s'in'ij*, иногда *ol'oks'ij*. Исходя изъ этого, и имѣя ввиду появленіе j передъ напряженнымъ i въ такихъ случаяхъ какъ *k-jim s-jix* и т. п., гдѣ палаталпзациа не лежитъ въ самой артикуляціи предыдущей согласной, можно заключить, что об-

ласть образованія *j* лежитъ нѣсколько выше ряда образованія гласной *i*; тогда относительно такихъ случаевъ, какъ *íva*, *ínase*, *ím*, *íf* и подобные, можно сказать, что неслогообразующая длительная *j* утратилась передъ *i* напряженнымъ въ началѣ слова. Не трудно было также установить, что гораздо чаще говоръ употребляетъ вообще *j*, безъ упомянутого согласнаго «трения». При скоромъ темпѣ рѣчи неслоговое *j* пропадаетъ послѣ ударенія передъ «и» и «о» — *znáūt*, *s'm'éūt*, *pad'íūs'* и т. п.; при томъ же условіи, послѣ ударяемаго слога *j* пропадаетъ передъ *l*, иногда допускающемъ въ то же время переходъ *e* въ *ö* (*o*), напр. *záes'*, *báeš* при *báöš*, но *báju*, *kokúju* (кукую), *znáeš* и *znáöš*, *hoz'áöf*, также передъ гласной *a*, въ результатѣ чего имѣемъ гласную передняго ряда низкую, ненапряженную — *ä*: *zat'éä*, но *zná[j]ä* (сомнительно) и т. д.

Иначе обстоитъ дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда удареніе передвигается въ словахъ къ начальнымъ слогамъ; тогда передъ гласными *o*, *u* — *j* уже часто выступаетъ: *zd'élajom*, *dúmajom* при *dúmat*, *rozgovár'ivajut* и пр. Передъ гласными задняго ряда *a*, *и*, *o* подъ удареніемъ *j* не выпадаетъ: *dajós*, *pojú*, *stojál*, даже *d'jón* род. п. отъ *d'ép'*, хотя рядомъ имѣемъ *s'm'ial'is'* и под.; но здѣсь *i* покрываетъ собою *j*. Передъ *e*, можно сказать, что *j* не только можетъ свободно исчезать, но въ практикѣ и вообще исчезаетъ. Точно также, если вторая изъ гласныхъ *i*, то существованіе *j* между гласными, повидимому, нужно признать не наблюдающимся явленіемъ. Обыкновенно видимъ, напр., *moí*, *moix*, *doit'*, *dvoím*, *poít'* (*pojú*), *stóit*, *ustráivat* и т. д. Ср. *skor'ée*; хотя *s'ín'ijj*, когда послѣднее *i* въ общемъ строѣ рѣчи выбрасывается подъ удареніемъ. Какъ слѣдствіе, въ связи съ исчезновеніемъ первоначальнаго, междугласнаго *j*, является столкновеніе двухъ гласныхъ, вызывающее отчасти дальнѣйшія перемѣны, которыя однако являются типичными не только для «Уломскаго» говора, но для многихъ діалектовъ. Срав. напр., *n'e znáem*, *byváet*, *n'e um'iet*, *n'es'áaño* и т. д.; или при уподобленіи *a*, *e* въ *a*: *byváat*, *vusyáat* и под. Гораздо чаще при тождественныхъ гласныхъ находимъ въ этихъ случаяхъ долготу или слитіе: *robótás*, *moló-*

d'in'ká и т. п.; пли n'e znám, byvât, s'itâš и др. Типичнымъ для нашего говора въ этомъ будетъ то, что вторая часть этого сочетанія можетъ быть не только сильнѣе первой по выдыханію, но и выше ея по тону.

§ 7. Замѣтки о нѣкоторыхъ звукахъ въ концѣ и въ началѣ слова.

Комбинаціи при столкновеніи согласныхъ.

Кромѣ описанныхъ особенностей и уклоненій отъ образованнаго русскаго языка, нашъ говоръ имѣетъ массу чертъ, свойственныхъ вообще діалектическимъ явленіямъ. Встрѣчаемъ въ немъ гласныя, въ концѣ слова потерявшія свою голосность. Часто звонкія согласныя теряютъ не только голосность, но и всю артикуляцію: l'ubóf, gur-rubl'á, dór, жен. р. dobra, osmót-osmótra, ól'oksánt, жен. р. ol'oksándra и т. д. Въ концѣ слова говоръ потерялъ также t сочетанія st; такъ напр., xvós-xvostá, kr'és, dás, jes (ѣсть), strás' gób's, is' (ѣсть), z'ves род. мн. отъ zv'ezdá и т. д. Изъ начала слова слѣдуетъ отмѣтить гласную i; послѣ «твердой» согласной вмѣсто i имѣемъ «у», пмпр., s-ykónoj, k-yvánon k'í (къ Иванову дню), s-y'zdał' (издалека), s-y'skroj (съ искрой), pod'úz'b'ic'ü (подъ избу).

Нѣсколько замѣчаній о столкновеніи согласныхъ.

Мы уже отмѣтили (См. § 5), что столкновение звуковъ d и t приводитъ къ произношенію съ однимъ закрытіемъ и взрывомъ; такъ получался $\bar{t}$, $\bar{d}$, $\bar{n}$, $\bar{s}$ и др.; при чемъ дорсальная артикуляція долгой сохранялась въ той части сочетанія, которая входитъ съ палатализованной согласной; какъ $\bar{z}\bar{y}\bar{t}\bar{a}$ (жить-то), $\bar{j}\bar{e}\bar{t}\bar{e}$ при $\bar{i}\bar{t}\bar{e}$ (ѣдите) s'ḗtuda (сядь туда) и т. д. Взрывъ согласной t терялся въ сочетаніи какъ «отъ чего» — os'ōvó; далѣе, говоръ какъ будто не терпитъ большого скопленія согласныхъ; въ такихъ случаяхъ пли одна изъ группы согласныхъ выпадаетъ, особенно губная (см. § 3), напр: k-dov'ó (къ вдовѣ), str'ic'a и т. п., пп, если слово трудное, то группа согласныхъ разбивается соединительной гласной по правиламъ народной этимологіи, напр., b'ezovn'át'ja (безъ вниманія); сюда же отнесемъ: kabúfo (какъ будто) и др.; пли же для легкости произношенія одна изъ соглас-

ныхъ тогда палатализуется. Вполнѣ послѣдовательнаго правила въ этомъ явленіи мнѣ не пришлось однако установить, поэтому я укажу только на факты: v'er'x, c'etv'er'k, v'er'xós'koj, moskós'koj, c'ar's'koj, mus'koj, žen's'koj, lón's'koj, c'er'kva, kolokól'n'a, mal'in'koj, xogošen'ko, c'õr'n'in'koj, d'en'gam, stól'k'i s'm'ial'is' и т. д., хотя рядомъ: p'és'onka, d'efc'ónka, rob'ónka, m'énše, žen-št'ina и т. д. А сочетаніе согласныхъ d+s, t+s въ говорѣ перешло въ с': l'uc'kój, zavóc'koj, sóc'koj, d'is'ác'koj и др.

§ 8. Къ развитію говора. Выводы.

Общія черты всего сѣверно-великорусскаго нарѣчія, какъ напр., «оканье», остаются въ говорѣ вообще не тронутыми. Далѣе, если не считать вліянія извнѣ, а остаются въ предѣлахъ развитія языка самого говора, то слѣдуетъ признать, что старымъ въ говорѣ является сочетаніе št' вмѣсто «щ»; смѣшеніе «ц», «ч» въ образованіи с'; je вмѣсто е въ началѣ слова; закрытое ó; é и í вмѣсто древняго «ѣ»; двойное удареніе и общая интонація рѣчи въ связи съ выдѣленіемъ тона ударяемаго слога и ослабленіемъ слога безударнаго — явленіе старое, осложненное сравнительно новыми вліяніями и фактами. (См. этнографію). Направленіе развитія, приближающее говоръ, такъ сказать, къ «сѣверно-великорусской нормѣ», можно усмотрѣть въ такихъ фактахъ, какъ довольно частая потеря неслогового ĭ передъ гласными — ä, ü, ö, e, i; распаденіе сочетанія t'+s' (с') при выявленіи элемента то t', близкаго уже къ «г'», напр., m'át'ik, kabát'ik и под., то элемента š-potsv'éi'sn'ik и др.; раскрытіе гласныхъ закрытыхъ: напряженнаго ó, é, и, наконецъ, болѣе спокойная и устойчивая топка рѣчи, которую можно отмѣтить у подрастающаго поколѣнія.

Часть II. Морфологія.

Морфологія «Уломскаго» говора мало чѣмъ отличается отъ обыкновеннаго сѣверно-великорусскаго типа. Однако, при распредѣленіи матеріала, я долго колебался, на какомъ принципѣ слѣдуетъ построить грамматику, чтобы она съ одной стороны отвѣчала прямымъ своимъ задачамъ описанія и была ближе къ

живому азыку, а съ другой,—чтобы она систематичнѣе и полнѣе исчерпала всѣ грамматическія формы и категоріи, которыя я имѣлъ случай наблюдать. Живой языкъ настолько текучъ и разнообразенъ, что врядь ли возможно всѣ встрѣчающіяся въ немъ формы словъ и выраженій, подвести подъ опредѣленные, установленныя морфологическія нитампы. И если литературный языкъ, съ исторической точки зрѣнія, представляетъ весьма пеструю картину склоненій и спряженій, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что традиція распредѣляетъ разныя образования по словамъ или группамъ словъ, несоотвѣтствующимъ первоначальной группировкѣ, то тѣмъ болѣе узорчатую ткань мы можемъ ожидать отъ языка живого говора, гдѣ всевозможныя морфологическія образования по аналогіямъ облегчаются чисто фонетическими условіями, и гдѣ каждый носитель языка не ограниченъ въ словообразованіяхъ школьной «нормой», и наряду съ традиціонными формами допускаетъ легко свои собственныя «потребленія». Поэтому, пусть мнѣ не поставится въ большую вину, если я въ классификаціи матеріала не сумѣю проявить достаточной системы и планомѣрности. При описаніи формъ склоненій и спряженій я не буду углубляться въ исторію образования и смѣшенія формальныхъ типовъ подъ вліяніемъ аналогій, но, чтобы показать, какъ мало отличается морфологія описываемаго говора отъ обыкновеннаго сѣверно-великорусскаго типа, я постараюсь дать образцы склоненій и спряженій общихъ рядовъ, оговаривая каждый разъ случаи отклоненій; тѣ же формы, которыя почему либо не подойдутъ подъ извѣстные грамматическіе типы, я оговорю особо, выдѣливъ ихъ въ особыя главы.

Также оговорюсь, что при описаніи морфологіи я не буду выдерживать транскрипцію со стороны второго ударенія, полагая, что этотъ вопросъ достаточно мною освѣщенъ въ фонетикѣ.

Теперь перейдемъ къ самому матеріалу.

§ 9. Существительныя.

1. Какъ правило, прежде всего отмѣтимъ, что нашъ говоръ совсѣмъ не знаетъ особой формы для твор. пад. мн. числа, въ

немъ номинальная флексія этого падежа совпала съ формой дательнаго множ. — черта свойственная многимъ говорамъ.

2. Здѣсь же отмѣтимъ, какъ довольно типичное для говора, передвиженіе ударенія къ началу слова въ зависимости отъ предлоговъ въ формахъ род., дат., вин. и мѣстн. падежей, главнымъ образомъ, единств. числа, при чемъ односложныя слова и слова, имѣющія удареніе на первомъ слогѣ, свое удареніе часто передаютъ предлогу.

Исключая это, флексіи въ говорѣ соотвѣтствуютъ, вообще, системѣ литературнаго языка и мало даютъ существенныхъ и категорическихъ различій.

1. Основы на -а, -ја.

Ед. ч.	И. skovorodá	Мн. ч. skóvorody
	Р. skovorodý	skovorót
Д. М.	skovorod'é	Д. Т. skovorodám
	В. skóvorodu (ná skovorodú) ¹⁾ .	М. skovorodáf
	Т. skovorodój.	

По этому же образцу склоняются: *nogá -nog'i -nog'é -nógu* (ná-nogu, но *za-nogú*)—*nogój*; мн. ч. *nóg'i -nók* и т. д. *z'imá -g-z'im'e, o-z'im'é*; мн. *z'ímy-z'ím* и пр.; *mol'ítva*, род. мн. *mol'ítov*; *storoná*, дат. мѣстн. *k-stóron'e, na storon'é*; мн. *stórony-storón* и т. д. Причѣты этого типа склоненія многочисленны. Ср. собирательное *ryba pošlá* и параллельно *ryb'ina zaláoc'ka* (лавка), *v'orstá*; мн. ч. *v'orsty-v'ors*; *s'ostra, s'ókaf'ina* (сидалина), *oborot'ónka*—отглагольное существ. отъ глагола «оборачивать»; *fábr'ika*, род. мн. ч. *fábr'ikof, ser'ótka* при *os'er'ótka*, р. *s'er'ótk'i*; мн. *s'er'ótk'i-s'er'ódok, os'er'ódok* и т. д.; *izba*, вин. *izbu* (ná *izbu, ród-yzbu*); мн. ч. *izbyízbof* рѣдкая форма, и мн. др. Ср. *posylka*, род. мн. *posylkof; vz'átka-vz'átkof*.

S'er'kof, bán'a—перешли въ твердую основу, склоняющуюся какъ *nogá*: *s'er'kva-s'er'kvu, д. м. s'er'kvoj, вин. s'er'kvu*; мн. ч.

1) Во избѣжаніе повтореній и для сокращенія письма, всѣ тѣ формы, въ которыхъ допустимо удареніе на двухъ, трехъ слогахъ, будутъ имѣть соотвѣтствующее число надстрочныхъ знаковъ.

с'ér'kvу-с'ер'kvám-с'ер'kvaf, однако род. мн. с'ер'kv'éj; также бájна: мн. ч. бájny, р. бájon и т. д.

По этому же типу развиваются любопытныя формы съ суффиксомъ «единичности» — ин-; такъ напр., skot'ín'ina, sposúdi'na, sos'n'ina, с'ер'ómšyna, r'ebiín'ina, ol'syna (ольха) trav'iná и т. д., множественнымъ числомъ для которыхъ служатъ формы отъ того же корня въ собирательномъ значеніи: sposúd'ina—sposúd'iny, —sposúd'in'e, —sposúd'inu—sposúd'inoj; мн. ч. sposúda—sposúdy—sposúd'e—sposúdu—sposúdoj. Сравн. pozdr'iná; мн. ч. pózdr'i, но r'eb'ina, с'ер'ómxa . . . въ значеніи плода и растенія; moróška, род. мн. moróšok, brus'ónka (брусника), род. мн. brus'ónok, — рядомъ съ ними žuraíc'ina, мн. žuraik'i, род. žuraikof и žuraik. По аналогіи съ r'eb'ina, borov'ina (боровое мѣсто) и т. д. склоняются въ ед. ч. t'es'ina, grad'ina; мн. числомъ для которыхъ служатъ t'ós, grát, измѣняющіеся по другой основѣ — на -о.

Мужское «заработокъ» въ нашемъ говорѣ перешло въ женскій родъ: худája zárobotka; поэтому это слово склоняется также по образцу porá: род. zárobotk'i, вин. zárobotku; мн. zagobótki, хотя род. zárobotkof. Ср. roc'óm pšoná? žn'iva, so-žn'ivu pr'isli (жен. род.). Только въ ед. числѣ porá, вин. rópi; сравн. f-tú por, f-t'é por. Также «singularia tantum»: kr'éz'ba, uráz'ina (ушибъ, уродство), gov'éd'ina, ol'syna (болотистое низкое мѣсто, покрытое олешиникомъ), kul'iga (собраніе) и др. Сравн. obútka (обувь), р. obútk'i — obútk'e; на obútku—obútkoj; но obútka (тонкая короткая веревка) имѣетъ формы и для множ. числа.

Род. мн. въ заимствованной изъ основъ на—и формѣ: kapfétof, pokúpkof; ср. fábr'ikof, vz'átkof и др.

Особую форму для звательнаго падежа пришлось наблюдать только отъ «бабушка» (baúška) báušyn'ka. Ср. mámon'ka. Особенную звукоподражательную форму находимъ въ кличкѣ коровы и лошади; кричатъ, напр., 1) ptruké-ptrukó ptrukón'uška, 2) ptr'ó-piška. Любопытная увеличительная форма отмѣчена отъ существительнаго «голова» — golov'én'ka. А jon l'éb'ed'-ot, golova, plyjót sámym st'érzn'om, —golov'én'ka -ta bol'súšt'a, какъ mos't'inka (корзинка). По образцу p'é's'n'a, dúl'a (груша) склоняются

mt'íc'a, púl'a, pr'ál'ica, lúkoic'a, pol'íc'a, s'p'íc'á, skal'ná, bá-rošn'a, króvl'a, rukaic'a, c'údášn'ic'a, n'ed'il'a, klác'a, z'eml'á и мн. др.

	dúl'a	dúl'i
	dúl'i	dul'
Д. М.	dúl'e	Д. Т. dúl'am
	dúlu	dúl'af

dúl'öj, часто dúl'ej; точно также отъ mt'íc'a находимъ -ej п -c'oj. Сравн. ofc'á, м. ojc'é; мн. ч. öfc'i-ov'éc' и т. д. род. мн. bárošn'ej при báryšn'of—отъ «барышня», vožd'ej, но mt'íc', pr'ál'ic', s'p'íc', n'ed'il' и т. д. Въмѣсто lóvl'a находимъ lovl'én'jo.

Такія формы род. мн. въ заимствованной изъ основъ на—i формѣ, отмѣченныя мной въ существительныхъ — bárošn'ej, púl'ej, króvlej и др., произносятся всегда—ej, не сбиваясь на 'oj. Ср. kart'éc'ej—kart'éc'am отъ kart'éc'i (картечь), употребляемая только во мн. числѣ; skal'ná, p'is'n'a въ род. мн. имѣютъ skálon, p'is'on; прочія формы «мягки». Среднее «пособіе» въ говорѣ воспринято въ женскомъ родѣ: mál'in'ka rosób'ia, вин. па étu rosób'iu n'éc'o gos'c'ityvat'; другихъ надежей не наблюдалъ.

Только въ ед. числѣ употребляются гоц'á (родня), jár'ic'a; формы множеств. отъ нихъ являются описательно: vnbgo гоц'и, bol'sšaja гоц'á; c'élo pol'ö jár'ic'oj zas'ieno. По этому же образцу склоняются k'ryša, duša и под.; род. мн. k'ryš, dúš (правильно) и т. д.

2. Основы на -o, -u, -jo.

Въ описываемомъ говорѣ больше всего сказалась роль аналогій въ образованіи флексій, именно, въ формахъ отъ означенныхъ выше основъ. Остатки флексій основъ на -u, образованіе множеств. числа на -a, -ja родит. мн. изъ основъ на -i и др., все это дѣлаетъ чрезвычайно пестрымъ типъ этого склоненія. «Какъ въ литературномъ языкѣ», отъ указанныхъ основъ «находимъ теперь въ сущности только одно склоненіе, съ извѣстнымъ различіемъ между «твердыми» и «мягкими» основами», такъ и въ нашемъ говорѣ флексійныя формы настолько перемѣшались, что ихъ удобнѣе всего классифицировать на фонетическомъ принципѣ.

а) Слова мужского рода съ «твердой» основой.

	l'és		l'esá
Р.	l'ésa, но iz-l'esu		l'esóf
Д.	l'ésu	Д. Т.	l'esám
Т.	l'ésom		
М.	v-l'és'e, ú l'esu		v-l'esáf.
	górot		gorodá
Р. Д.	górodu	Р.	gorodéf
Т.	górodom	Д. Т.	gorodám
М.	v-górod'e		v-gorodáf.

Въ род. над. ед. числа форма на — и встрѣчается почти обязательно отъ именъ, обозначающихъ неодушевленные предметы; такъ имѣемъ — и отъ *dóm-dómu*, *s'v'ét-s'v'étu*, *l'on-l'n'ú*. Ср. *naródu*, *ú-gorodu*, *iz-uézdu* и т. д., хотя *n'a róda*, *gláza*, *ráza* и *gázu*, мн. ч. *razá* при *razý*, род. *kól'ko vnoógo razóf* и т. д.; род. ед. *xl'éba*, мн. ч. *xl'ebá* (посѣвъ) и *xl'éby* (печеный хлѣбъ), род. *xl'ebóf* и т. д.; *iz'l'išok-iz'l'iška-ta ob'erút v-árme'ju-iz'l'išku* и т. д. Форму на — а находимъ преимущественно въ именахъ, обозначающихъ одушевленные предметы, напр., *mužyk-mužyká*; мн. ч. *mužyk'i-mužykóf* и т. п.; *šv'éc'-šv'ec'á*; *r'estánt* (арестантъ), род. *r'estánta*, мн. ч. *r'estánty*; ср. *s'l'ét*, род. *n'étu s'l'édu*, твор. *s'l'ódom*, мн. ч. *s'l'edý-s'l'edóf* и т. д.

Примѣры «мягкаго» типа.

<i>kur'éc'</i>	<i>kurc'i</i>
<i>kurc'á</i>	<i>kurc'éj</i> при <i>kurc'éf</i>
<i>kurc'ú</i>	<i>kurc'ám</i>
<i>kurc'óm</i>	<i>kurc'áf</i>
<i>kurc'é</i>	

Сравн. *z'v'ér'-z'v'ér'a* и т. д.; мн. ч. *z'v'ér'i-z'v'er'éj* и т. д. Уменьшительное *z'v'er'úka*; *záec'*; род. мн. *zajc'éj*; *gos't'in'ec'*, род. мн. *gos't'inc'ej* при *gos't'in'c'of*; *ogur'éc'-ogurc'éj*, *rub'éc'-rurc'éj*, *šv'éc'-šv'ec'éj* при *šv'ec'óf*, *kon'éc'*, род. ед. *iz-konc'i*; мн. ч. *konc'i-konc'éj* и т. д. Сюда же примыкаютъ *gur*, род. *rubl'i*, мн. ч.

род. *rubl'of* при *rubl'éj*, также *pr'iat'el'of*, рядомъ *pr'iat'el'ej* и т. д. Отмѣченное выше правило относительно род. пад. ед. числа имѣеть мѣсто и при мягкой основѣ; сравн. напр., *is-kl'uc'ú na-r'ily, isv'inc'ú, jédut ot-v'ep'cú, lókt'u*, хотя *grúz'n'a* (груздь). Сравн. также при этомъ: *poimál jez'á* (язь-рыба), *z'átla. stolar'á* и т. д. Часто мѣстный падежь ед. ч. имѣеть форму на -и послѣ предлоговъ на, въ; такъ напр., *pá l'esu*, но *v-l'és'e*, на *kustú* при на *kus't'é*, на *lugú*, на *mostú*, *v-rovú*, *f-sadú* при *f-sád'e*, *f-škar'e* и *f-škarú*, на *polkú*, на *bokú*, на *polú*, *f-s'n'egú*, на *v'er'xú*, на *uglú* при на *ugl'é* и т. д. Ср на *kamn'ú* и на *kámn'é v-rajú*, *v-ul'jú* и *v-úl'je*, *f-krajú*. Интересно отмѣтить формы мн. числа отъ этихъ послѣднихъ словъ: им. мн. *úl'ji* и *úl'ja* (ставлены есть úля), род. *ul'jéj* при *ul'jóf* Сравн. *krajá*, *iz-vásyf kraej*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда м. падежь имѣеть форму на —и, можетъ случиться, что три падежа: род., дат., мѣстн. ед. числа будутъ имѣть одно и то же окончаніе; напр., *mós, p., дат. móstu*, мѣстн. на *mostú*; р. д. и м. *krájú* и т. д.

Имена женскаго рода «очередь», «подкова» и средн. «яблоко» въ нашемъ говорѣ наблюдаются въ мужскомъ родѣ: *bol'sój c'er'ót* при *mój oc'er'ót*, *lóšat potkóf pot'erála, moskós'koj jáblok*. Поэтому имѣемъ: *c'er'ot*, род. *b'es-c'er'edú*, твор. *c'er'edóm*, м. *c'er'edú*; мн. ч. *c'er'ody-c'er'edóf*, на *c'er'edáf*.

Аналогично склоняются *potkóf, jáblok*.

Нѣсколько особнякомъ стоятъ такія слова какъ *móx, lóp* (лобъ), *rót, róf* и др.; они во всѣхъ косвенныхъ падежахъ приобрѣтають «полногласіе» и мало употребительны во множественномъ числѣ; признаюсь, за все время своего пребыванія въ краѣ, я не наблюдалъ отъ нихъ формъ во мнж. числѣ. Такъ имѣемъ: *rót, -róta* (*iz-rótu ráxn'ot*), *k-rótu, rótom, v-rót'e*. Ср. род. пад. *lóba-lóbu* и т. д., хотя говорится: *što v-lóp, -to rólbu*, но эта форма могла придти со стороны; *l'ót-lóda* при *l'd'u, l'odom || l'dom, v-l'ód'e*. Изъ «*singularia tantum*» отмѣтимъ: *xm'él'*, *xág'ec'* (харчь), *tvarók* и др.; но особеннаго вниманія заслуживають существительныя, произведенныя отъ глаголовъ: *pr'irój* (отъ «паять»), *s'ókь* (отъ сѣчь) и *žóg* (отъ жрать); род. ед.: *pr'iróju, žogu*, пли

дать t'ié хорóšova sóku etc. «Plural'ia tantum» узкаго областного употребленія: úprak'i-úprakof (туфли), kátan'ik'i-kátan'ikof, kl'ärc'i kl'ärc'ej и kl'är'ej; om'äl'ki, род. — of; pot'ómk'i-f-pot'ómkaf xóim и т. д. Ср. orúd'iji zac'ábr'ila (захватила); iz-orud'iji str'e-l'áút. Именит. множ. на -á обыкновенное явленіе въ говорѣ. Сравн. gorodá, idolá (идоль), rukavá, glazá, upvodá («уповодъ» — мѣра времени), boká, b'er'egá, s'n'egá, doxturá, kus'ará и мн. др. Но рядомъ часто видимъ болѣе старыя формы; такъ напр., b'er'eg'i, tok'i вм. toká, -tokóf; róg'i, bók'i; сравн. klús (чудакъ), им. мн. klusú édak'i, xl'éby, gódy, glázy, какъ ant'ir'ésy, karásy (карась) и т. д. Родит. пад. мн. числа въ краткой формѣ отмѣченъ, напр., súprot'if, kolo b'er'ek, по аналогіи съ šés' aršyn при aršynof, vnoĝo saldát и saldátof, или ná šes' m'és'ac' xvát'it. Именительный падежъ множ. числа въ формѣ собирательнаго встрѣчается, пожалуй, чаще, чѣмъ въ литературномъ языкѣ. Однако ограничиться этимъ общимъ замѣчаніемъ, значитъ сказать не все.

У проф. Брока въ описаніи «Тотемскаго» говора собирательныя имена расгруппированы по ударенію, потому что «соотвѣтственно съ послѣднимъ распредѣляется форма родительнаго падежа»¹⁾.

Въ нашемъ говорѣ такого согласованія ударенія съ распредѣленіемъ формы род. пад. не наблюдается, поэтому мы классификацію «собирательныхъ» построимъ на другомъ критеріи.

Къ чисто собирательнымъ, т.-е. къ такимъ, которыя при формѣ ед. числа имѣютъ значеніе множественнаго, такъ какъ относятся ко многимъ предметамъ, — будутъ относиться всѣ тѣ имена, которыя восходятъ къ первоначальнымъ собирательнымъ на -je, какъ-то: kam'én'jo, mojo kól'jo, f'so kolós'jo, gvoz'jób, rag'en'jób (воно паренё пошло), stúl'jo, volós'jo, kuvr'ál p'én'jo, jaz'jób отъ «язы» — языкъ подступило къ сити; oíb kor'én'jo, l'js'jo opálo, dúb'jo, zúb'jo въ грабляхъ, другое — zúby-zubóf. Ср. súc'jo при мн. suk'i-sukóf и т. д.; koz'én'jo рядомъ, kóz'n'i-koz'n'ej; d'ev'er'jób отъ d'ev'er' и др. Однимъ словомъ, всѣ тѣ имена, ко-

1) См. Брокъ, 120 стр.

торья употребляютъ старыи родительн. пад. ед. числа, какъ род. множ. и у которыхъ теперь совпадаютъ формы имен. и винит. падежей множ. числа въ формѣ числа единств.; напр., kól, пм., вин. множ. kól'jo, а род.: p'étu kól'ja; kor'jb, род. kor'já, или раг'еп'jb, vного раг'еп'já pošlб и т. д.; kul', мн. ч. kul'i и kul'jb, род. kul'já и kul'éj при kul'of, kórop-korób'jo, -ja. . .

Къ другой тогда категоріи будутъ относиться имена собирательныя, у которыхъ род. пад. мн. числа согласуется съ литературной формой -ей, или съ формой -of, у которыхъ удареніе обязательно на конечномъ слогѣ, которыя, собственно, нельзя даже назвать собирательными, такъ какъ они согласуются со сказуемымъ во множ. числѣ. Напр., kn'és' (князь); kn'ez'já-kn'ez'jéj при kn'az'of Сравни. druž'jéj при формахъ drúg'i-drúgof и пр. Также mužjá-mužjof, brát'já, bratov'já: род. brátjéj, bratov'éj и т. д.; то же šur'já, synov'já, -ov'éj и т. д.

Къ третьему виду собирательныхъ говоръ относить такіе случаи какъ: k'irp'ic' хорбš, ogur'éc' dórok, sapók dórok stal, úloms'koj baránok siä otm'én'it; boroik, jágoda s'p'éla, múxa odol'íla и т. д.

Къ описанному здѣсь типу склоненія примыкаетъ и такой видъ какъ (мой) túlúp'iško, род. п. túlúp'iška и т. д.; мн. ч. tolúp'išk'i-talúp'škof и т. д. Ср. syn'iško-syn'iškof, также ov'in'iško и др., какъ d'étko, pobrat'imko, m'ixailko,-m'ixailo, t'imof'éjko, Wan'éjko и др.; bát'uško, род. мн. bát'uškof. Существительныя на -инъ въ формальномъ образованіи мало чѣмъ отличаются отъ обычнаго типа; такъ находимъ: kr'es'ján'in, мн. ч. kr'es'jana-kr'es'ján и т. д., tatár'in: tatáry-tatár; bára-bár отъ bár'in; gospod'in: gospodá-gospót; hoz'éin: hoz'éjeva-hoz'éjof и hoz'áof и т. д. Зато имена существительныя на —енокъ вполне согласуются съ литературнымъ языкомъ; напр., jegn'ónok-jegn'ónka-jegn'ónku и т. д.; мн. ч. jegn'áta-jegn'át и т. д. Ср. rob'ónok-rob'áta, t'el'ónok-t'el'áta-t'el'át и др.

б) Слова средняго рода.

Примѣры:	žyto	žytá
	žyta	žytóf

žýtu   zytám
 žýtom   M. žytáf
 M. v-žýt'e.

Ср. gn'ezdó-gn'ezdá и пр.; мн. ч. gn'ézda,-gn'és и т. д.; также d'élo;-d'éla; мн. ч. d'elá, род. n'étu d'elóf sofs'ém; е въ этомъ случаѣ вмѣсто 'о, а особенно въ словѣ gn'ézda-gn'és, вѣроятно результатъ церковнаго или школьнаго вліянія. Мягкія основы заимствовали въ им., вин. ед. числа окончаніе твердыхъ: рól'о, ĵeic'б, mór'о и др., однако подъ удареніемъ это окончаніе различается отъ твердыхъ. Ср. t'ágló, z'ornó, vojs'kó s'elb и ĵeic'б, l'ic'б, рól'о и т. д.

Образцы склоненія «мягкаго» типа существеннаго собой ничего не представляютъ; такъ рól'ö-рól'ä и т. д. мн. ч. рól'á-рól' (p'ét' рól' zas'ioно) или pol'ěj и пр. pl'ec'б: pl'éc'i-pl'éc' и т. д. l'ic'б: l'ic'a-l'ic'; род. мн. ĵeic', mor'ěj. Только въ ед. числѣ lovl'én'jo вмѣсто ловля, v-pmal'énjo pr'išlo fs'о. Сравнивъ p'is'ma-p'is'mof и p'is'om, также vojs'kóf съ выше приведеннымъ полнымъ переходомъ въ мужской родъ слово ĵabloko: od'in ĵáblok, мн. ĵáblok'i-ĵáblokof и пр., то не трудно замѣтить, какъ колеблется род. мн. числа средняго рода между старой формой и заимствованной изъ мужескаго рода. Множеств. число въ формѣ собирательнаго видимъ, напр., p'erb: p'ér'jo, krylб: kryl'о и т. д. съ дальнѣйшей флексіей какъ въ подобныхъ словахъ мужескаго рода. Нѣсколько иначе z'ornó; мн. число отъ котораго z'ér'n'eta-z'ér'n'et и т. д. Въ единственномъ числѣ только gornó (въ кузницѣ), d'epo, u-d'erý, v-d'er'é, по аналогіи съ «v-m'ed'é (мѣдь)» и подобные.

3. Основы на -і п. согласныя.

Женскія основы на -і представлены въ говорѣ большимъ количествомъ именъ. Однако онѣ являются далеко не выдержанными сравнительно съ литературнымъ языкомъ. Такъ мы находимъ вторженіе окончаній дател.н. и мѣстн. падежей единственнаго числа изъ другихъ основъ; напр.,

И.	gór's'	gór's't'i
Р.	gór's't'i	gor's't'éj

Д.	gor's't'e	Д. Т.	gor's't'ám
Г.	gór's'ju		
М.	v-gor's't'é		v-gor's't'áf.

Сюда же примыкають нѣс', д. м. нѣс'е (v-нѣс'е); мн. ч. нѣс'и-нѣс'еј и т. д. Ср. также sýroc'; «ѡј, drúk, f-sýroc'e tr'i n'í (дни) v-okóraf-t'e l'ožál»; laxán', v-laxán'e; род. мн. laxán'ej; см. также rat s'm'ért't'e; f-pam'et'é, на lošad'é и др.: v-l'és'e, v-gr'ezé, v-grud'é, f-krov'é, на jel'é, на kustú (é) и т. д. Любопытную флексію наблюдаемъ въ твор. над. ед. ч. отъ слова pos't'én' (тѣнь чловѣка), а именно: natpos't'én'oj n'e s'm'ijs'i по аналогіи съ «яблонь»: jáblon'oj, хотя употребительна и обычная форма pos't'én'ju. Женскія основы на -г слѣдуютъ вообще въ говорѣ подобно основамъ на -і.

Исключенія касаются такихъ словъ какъ дѣс' máт' и др., гдѣ въ косвенныхъ падежахъ литературнаго языка выявляется суффиксъ—ср. Мнѣ удалось всего лишь зарегистрировать форму им. и вин. падежей въ ед. числѣ въ видѣ mat' и дѣс', что же касается другихъ косвенныхъ падежей ед. ч. и всего множеств., то какъ только дѣло доходило до нихъ, такъ сразу же говорилось въ род. ед. дѣс'k'i, д. дѣс'k'e и т. д.; мн. ч. дѣс'k'i, дѣс'ök, дѣс'kam и пр. Ср. mátk'i-mátk'e. . . mátok и пр. Къ описанному здѣсь склоненію примыкають l'ubóf krof': f'so rýlo f-krov'é; род. отъ «любовь»: l'ubón'i, мѣстн. l'ubón'e; другихъ над. ед. и мн. числа не наблюдалъ совѣмъ. Сюда же dól p'er'ekátna, vòš, ròš (рожь), род. ržy, мѣстн. vo-ržö, -ròžju и т. д.; род. мн. ržej, им. plóx'i ržy; другихъ падежей нѣтъ.

Существительное fam'il' употребляется только въ двухъ падежахъ ед. ч., им. ед. fam'il'. род. fam'il'i. Сравн. rád'öl (пададь), rókas' (пакость), šrap'él' (шрапнель), падежныя формы отъ которыхъ встрѣчались тоже не часто. Мужское «путь» въ говорѣ перешло въ женскій родъ: n'e vújd'ot put'i хорóšy, f-put'é t'g'i m'is'es'a naход'il'is': однако мужескій родъ сохраненъ въ творительномъ падежѣ t'ém put'óm. Во множественномъ числѣ предно-

58719
 ср. 61285

читаютъ *dogog'i-dogók* и т. д. Въ словѣ *d'én'* родит. имѣетъ *п'і* (дни) — *s'evón'í. tovó п'і, tr'et'jóvon'í*, подъ удареніемъ *dn'á*, — иногда два *п'á ostálos'*, дат. *k-tomú п'і* и *п'ú: k-yvárou п'ú*; твор. *п'om*, м. *п'é*; мн. ч. *п'і*, род. *dn'ěj* и *п'óf* и т. д.

Основы средняго рода на *-н- im'о, s'im'о, vr'ém'о, plám'о* и др. въ косвенныхъ падежахъ ед. числа совѣмъ почти не проявляютъ суффикса — *ен* и очень неохотно даютъ полную форму множественнаго числа. Такъ напр., *im'о* род. *im'a*, д. *im'u*, тв. *im'om*, м. *im'e*; мн. ч. *im'ená-im'ón* и т. д. Въ разговорной рѣчи находимъ: *kak t'ia ro im'u-ta, s-xoróšum im'om*. Ср. *vr'ém'a, kol'ko vr'ém'á-ta*, дат. *vr'ém'u* и пр. множ. число рѣдко: *vr'em'ená-vr'em'án*. Какъ окаменѣлость, только одно *plém'о* встрѣтилось въ распространенной формѣ въ род. пад. ед. числа: *п'е róda, п'е plém'en'e п'е znáju*. Ср. *pus't'it' t'elushku* на *pl'em'á*.

Слово «дитя» приходилось слышать въ ед. числѣ частью какъ средній родъ *nášo d'it'á*, а частью въ сочетаніи *опа d'it'a ostálas'* (о дѣвочкѣ). Во множ. числѣ им. *d'éti*, р. *d'it'ěj*, д. м. *d'it'áni* и т. д., хотя болѣе часто употребляется для множ. числа *govát'a* и *gov'átk'i*; это послѣднее рѣже и стоитъ, мнѣ кажется, въ какой-то связи съ отмѣченными выше *mát'ki dóc'k'i*. Изъ разсмотрѣнія формъ косвенныхъ падежей отъ *mat', dóc', im'о, vr'ém'о, plém'о* и др. видно, какъ говоръ еще колеблется между старыми формами и новыми аналогіями.

Формы, какъ: *ná п'eb'e, п'eb'ösá, п'eb'ös*, или *s'údo*, мн. ч. *s'ud'esá v-g'ěšat'é* и пр. употребляются согласно съ литературнымъ языкомъ, при чемъ «е» въ нихъ еще не перенло окончательно въ *о*, и поддерживается вліяніемъ аналогій другихъ падежей съ *e* передъ палатальной согласной, или формами *z'v'ezdá: z'v'ězdy-z'v'és* и пр. Что отмѣченное смѣшеніе родовъ въ говорѣ такихъ словъ какъ «дитя», «путь» и др. не есть релюльтатъ ослышки или случайности, а есть явленіе морфологической ассимиляціи на фонетической основѣ, такъ тому служатъ подтвержденіемъ аналогичные случаи въ «Готемскомъ» говорѣ. Ср. также отмѣченные выше случаи: *iáblok, potkóf, s'er'ót* и др. или *dva*

rokúrk'i zd'élal; k-m'iláše na s'asók «шпаша» общаго рода; также t'át'ka pr'is'nilas' (у дѣтей) по аналогіи «мамка приснилась».

§ 10. Прилагательныя.

Формы именъ прилагательныхъ въ описываемомъ говорѣ не даютъ вообще повода къ существеннымъ замѣчаніямъ. Въ согласованіяхъ прилагательныя съ полнымъ родовымъ окончаніемъ встрѣчаются рѣже краткихъ. Такъ имѣемъ: d'óšova muká, ja давнóšna-dos'él'n'a, s-troic'k'i n'ed'il'i, v'ér'xn'u od'óžu, d'iu-c'éno d'élo (удивительное), glavna c'el', d'élo γοσρóc'ko, vysóka izbá, b'éla rubáxa, s'evódn'išno útro, dólgi, kokor'és'k'ii zažývny, dos'él'na rubáxa (стараго образца) и т. д. Ср. pokóbn vas'il'ej (покойный).

Полнымъ окончаніемъ для прилагательныхъ муж. рода подъ удареніемъ и безъ ударенія является всегда -ой, напр., богátoj kup'éc', št'et'inovatoj poros'ónok, хорóšoj susét, tájnoj s'ekkrét, poróžnoj jášt'ik, nogój mušt'ína (нагой), n'ezav'ídnoj žan'ix, s'in'oj kaftán, markój s'ít'ec', n'ebájkój rág'en' (неразговорчивый), baskój platók (красивый) и т. д. Ср. рядъ примѣровъ съ удареніемъ на конечномъ, въ различіе отъ принятаго въ литературномъ языкѣ: крупнój, r'et'ivój, gr'eznój, sońój, tolstój, горкój, sugovój и т. д. (См. Приложение №).

Склоненіе во всѣхъ родахъ слѣдуетъ по именному типу; такъ имѣемъ:

skupój, skupójo	skúpája
skupóva	skupój, рѣдко skupýjo
skupómu	} skupój.
skupým	
skupóm	

Множ. число для всѣхъ родовъ преимущественно: skupýi-skupýf-skupým-skupýf. Ср. gluxój, gluxójo, gluxája; мн.ч. glux'ii: zlyi, bogátyi и т. д. Ср. примѣры «мягкой» основы: s'in'ój, s'i-n'ójo, s'i'n'ája; дальше правильно. промѣ род. жен. р. ед. s'in'ój

при s'ine'ja; мн. число s'in'i, рѣже s'in'ijō-s'in'if-s'in'im и пр. Также p'er'éc'oj и p'er'édn'oj, p'er'éc'a, p'er'éc'o; p'óz'n'oj, p'óz'n'aja. p'óz'n'ojо и др. Мн. число p'er'édn'ii poz'ic'ii. или p'óz'n'i c'v'et'j и т. д. Впрочемъ нужно сказать, что довольно часто твор. над. ед. числа встрѣчается съ мѣстонменнымъ окончаніемъ, какъ напр., p'er'et sámymъ pr'eobražen'jom, f-próšlyimъ godú, z-bol'shyimъ vó-zom и др. s'en'amъ t'óplyimъ; сравн. pr'i kakiif uslov'jax, drug'iemъ m'éstom, u-nás u samoix и пр.

Изъ прилагательныхъ существительныхъ отмѣтимъ кара- b'él'n'i gvóz'd'i, portnoj šv'éc', saróžnoj šv'éc' и др.

Изъ притяжательныхъ Ol'ónk'inъ syn, S'ib'er's'koj, muž'c'ko d'élo, durác'ko, d'ád'ina и др.

Краткія формы прилагательныхъ не имѣютъ вообще какихъ-либо существенныхъ уклоненій отъ образованнаго языка. Ср. случаи въ родѣ p'etróv-d'en', p'etróva и'í, p'etrou и'и, Uspl'én'jof d'én', uspl'én'jova и'a, uspl'én'jovu и'í и т. д. Также: róbok, rópka, rópko; мн. ч. rópki, -rópkiif и т. д.; dólók, dólga, dólgo; glubóko, род. ед. glubók'i-t'e r'ek'i, kr'épok, m'áka, dóp, dobrá, dobró, mólót, s'il'oc, s'il'n'a, vos't'ór, k'ísla, slobóдно, и пр.; или vno'go, láno, órasno (t'ixón'oc'ko), t'óvuo, dal'óko, glubóko, šyróko, vy-sóka, но l'ókó (l'oga-l'era), gožó (хорошо), d'pžo, b'elá, t'opló, pólo (дыра) и др.

Краткая форма сравнительной степени имѣетъ е: l'ékc'e, kórc'e, dól'e, ból'e, m'en'e и др.; е развивается въ э (э) послѣ шипящихъ š, ž: šy'g'se, stróže, bl'íže, glúbže, molóže, n'íže, ból'se, и т. п.; но kr'erc'áe, также x'itr'ác, s'm'ir'n'á'e, damnó-davn'ée, t'ep'l'áe, s'm'il'áe, отъ хороšo ср. ст. рооnác'e (лучше-ноонац'е), b'il'éjō, vol'n'éjō и т. п.

Особый видъ превосходной степени употребляется описательно съ ból'no, stás': málo, vno'go, хороšo и т. п. Ср. ból'na jadúc'a jóná; или édako m'ésto (въ значеніи очень много), jéstol' dólók (слишкомъ, много долговъ), do-tovó xúdo (очень худо) и под.; при чемъ какого-либо правила о появленіи того или другаго окончанія для сравнительной степени установить не удалось.

§ 11. Мѣстоименія.

1. Мѣстоименія, не различающія родовъ. (См. Брокъ, 130 стр.).

ја	ты	
m'en'á, m'in'á, u-mn'á	t'ib'á, t'ia	s'ib'á, s'ia
mn'é, m'in'é, m'en'é	t'ib'é, t'ie	s'ib'é, s'ie
mnój	tobój	sobój.
my	vy	
nas	vas	
nam	vam	

fto, kovó, komú, k'ém, kóm; što, s'övó, s'ömu, c'em, c'óm.

Такую конструкцію как «он рал на mn'é на grut'», я считаю случайной и потому на ней не настаиваю.

2. Мѣстоименія, различающія роды.

јон, јоно, рѣдко он: јевó || јövó; јемú || јömú, -ím, -јом; женск. род. она (јона): јé, вин. је, но s'-с'ém јее јед'át, здѣсь «ее», потому что кругомъ артикуляція «е»; мн. ч. для всѣхъ родовъ: он'э; íf, ím; ср. јон'э. Отъ «јевó» находимъ јевóјој, отъ «јем» -јéјној, отъ íf, íx-ífnој, вин. íxn'еö; мн. ч. ífnу-íхnуf и т. д.

Указанныя формы употребляются и послѣ предлоговъ: до-јé, над-јím, u-јевó, u-јéј, мѣжду ím, k-јемú, об-јом, u-íx, s'-јóј и т. под.

Формы им. мн. числа, новидимому, не распредѣляются по родамъ; въ связной формѣ и при паузѣ находимъ он'э, јон'э.

«Приглагольные» мој, мојó: мојевó-мојö^омú-моím-мојом: жен. род. мојá, род. мојóј иногда просто u-мојö, встрѣчается и мојеејé, вин. мојú, д. т. и м. мојóј; мн. ч. моí-моíf, -моím. Сравни. tvojá-tvoјеејé и др.; род. svoјóј или svoјó; род. мн. для всѣхъ родовъ svoéf, хотя svoéx s'em'án.

naš, našo; našova и т. д.; жен. р. naša-našoj и пр.; íz-vášyf, étot, éto: etova, -mu, ét'em-étom; ж. р. éta и т. д. Сравни. étoј и étoe (род. н.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ е (étot...) произносится средне между палатальнымъ је (јéxat') и литературнымъ э (э).

Наряду съ указательными мѣстоименіями *étot, éta, éto*, говоръ употребляетъ для указанія болѣе отдаленныхъ предметовъ: *on'étot, on'éta, on'éto*, состоящія изъ личнаго мѣстоименія *on* + указательное (*on* + *étot* . . .). Въ этихъ случаяхъ «е» звучитъ палатально. Сравни. *on'et'e m'está, u-on'étef* и т. д.

Мѣстоименіе «сей» имѣетъ въ говорѣ равноправное мѣсто наряду съ другими указательными мѣстоим. на *s'ej n'ed'il'e*, хотя чаще въ извѣстныхъ выраженіяхъ, какъ-то: *s'evó gody, s'evóu'i* (сегодня), *s'ic'ás, s'éos'en'es'* (этой осенью) и под. *s'éj* (чей), *s'io: s'ievó* и т. д.; *s'iã*, род. дат. тв. и м. *s'iój*, мн. число общее: *s'iji-s'ijif* и пр.

Sam, samó: samovó и пр.; жен. р. *samá: samój* при *samoé* и т. д. Мн. число *sam'i*—для всѣхъ родовъ, —*sam'if* при *u-samoix. v'és, fs'o (s'o): fs'övó-fs'omú, fs'éim* и пр.; *fs'a-fs'ój* и *fs'eje* и т. д. Какъ прилагательное склоняются *kotóroj, fs'ákoj, édakoj, kažýnoj* при *kážn'ö(e)j, kol'kój*, но *kól'ko* и др.; при чемъ всѣ они попадаютъ и въ краткой формѣ: *kotóra, edako* и пр.

Вполнѣ какъ указательное *etot, . . .* развивается третье указательное мѣстоименіе *tót, ta, to*, для событій и предметовъ со всѣмъ далекихъ (Ср. *on'étot. . .* и пр.), изъ формъ котораго развились слѣды того, что называется «членомъ», — явленіе типичное для многихъ сѣверновеликорусскихъ мѣстностей и особенно сильно развѣвшееся въ нашемъ говорѣ (Ср. Фонетика. § 2). Войти въ детальное и всестороннее изслѣдованіе этого вопроса едва-ли есть возможность; представляется возможнымъ пока только подвести мѣстоименные члены подъ виды общаго употребленія.

Такъ, при имен. пад. ед. числа муж. рода наиболѣе употребителенъ еще старшій видъ мѣстоименія *-ot*, при *-ta*; напр. *rá-g'en'-ot, kup'écs'-öt, uc'it'e'i'ot, t'át'ka-ta* и т. д.; при именахъ женск. рода общеупотребительнымъ является членъ — *ta: bába-ta, žoná-ta, márg'ja-ta* и т. д.; для средн. рода — *ta, to: guvnó-to*. (гузно), *oknó-ta*. «Членъ» сопровождаетъ не только существительныя, но и другія части рѣчи, — прилагательн., глаголы, мѣстоим. и числит. Ср. *on-to, m't'e-to(ta), r'etkó-öt ov'ós-ot, pro-*

šéc'i-to ós'en'i. При им. пад. мн. числа именъ существ. и прилагательн. особенно часто бываетъ членъ—t'e: mužik'i-té, dóbvy-t'e, l'úd'i-t'e, kór'n'i-t'e и т. д. При винительн. пад. ед. числа именъ женск. и въ дательн. мужеск. рода послоянно слышевь членъ—tu: mámku-tu, mátku-tu, izbu-tu, g- dóbmu-tu и т. д. Для твор. и мѣстн. надежей характернымъ является—ta, рѣдко—to: žonój-ta, o-syn'e-ta, но uc'it'el'om-t'e, voz'l'e r'ek'i-ta, но uc'e-n'ikóf-t'e и т. под.

Съ глагольными формами имѣють связь помимо члена ta, t'e—частицы и приставки: ko, kos', tko,- pošól-t'e proс', d'e kos'ítta и пр. Ср. zaid'i-ko, ná-tko (бери), nžb-tko-t'e (вотъ погоди), nú-kos' (попробуй; пошелъ) и т. д. (См. § 13).

§ 12. Числительныя.

Въ большинствѣ числительныя говора встрѣчаемъ въ формахъ сходныхъ съ литературнымъ языкомъ; такъ напр., od'in, oño (одно): odnovo | oñovo и пр.; женск. род. oña, род. oñój,, хотя и odnyé nog'í, odnyó b'er'ózy; вин. oñú и пр.; мн. ч. oñ'é (одн'ѣ) — oñ'éf-oñ'ém: во мн. числѣ попадаются и формы съ гласной — i, напр., oñ'í, однако безъ различія рода. Ср. drugóva, drug'íem m'éstom.

Нѣсколько больше архаизмовъ и уклоненій морфологическаго и отчасти фонетическаго ряда находимъ въ числительныхъ: dva-dvuf при dv'ux хор'kóf; женск. род. dv'é-dv'éx kor'éjok, z-dv'éx storón, дат. dvum. tr'i-tr'of и tr'uf, дат. t'r'im; c'ótýr'e-c'ótýr'óf-c'ótýr'im. Сравн. g- d'es'et'im и др.

Однако сочетаніе этихъ числительныхъ съ существительными и прилагательными соотвѣтствуютъ, повидимому, литературному языку: dva c'ölov'éka, c'ötýr'óf bogátyf par'n'óf и par'n'éj, но tr'uf bár. Или dv'é nog'í, tr'i d'er'évn'i, c'ötýr'a poróznji dúpl'onk'i и под., хотя dva pokúpki z'ú'elal, на tr'i v'örstá d'ál'se, s-ób'e stórony. Ср. § 9—v-dv'éf godáf и др. Также obojo oñ'é pošl'i:—ob'éif...

Другія числительныя тѣ же: od'inac'et,—t'i, dv'enač'et'...

p'etnat'c'et', dvátc'et', sórok, ped'isát, šed'is'át, s'ém'is'at, (v)ó-s'em'is'at и т. д. Склоненіе числительнаго отъ p'ét' проводить—i (Ср. Тотемскій говоръ, тамъ также) черезъ всѣ падежи. Для вният. над. именъ одушевленныхъ имѣемъ: ub'il p'et'i utok'. Ср. vos'm'í zajc'ěj, хотя v'id'al p'et'báp; также kup'il p'et' pudóf, p'et' ogurc'ěj, но p'éd'is'at, -p'et'id'es'et'i и под. Sto въ косвенныхъ пад. имѣетъ sta, въ даг. даже stu. Сравн. p'ét' sót, sót do p'et'i, sót do dvúf, но dv'és't'i, c'ótyr'esta ... t'ýs'ec'a. Въ сочетаніи съ предлогами удареніе почти всегда отходитъ на предлогъ (См. объ этомъ §§ 8 и 14): ná-sto, ú-sta. só-sta c'olov'ékam, ó-sta dúšaf и пр. Собирательныя и такъ наз. «порядковыя» тѣ же находимъ: dvóo par'in'kóf, c'et'v'oro, s'em'oro и т. д., также dvač'et'oro, tr'ítc'et'oro и под. — p'érvoj, ftorój... s'emój, os'mój, p'ed'is'átoj; Ср. c'et'v'órto (отдѣленье), p'áto, d'is'áto, vos'emnátc'eto и т. и. Склоненіе ихъ прилагательное; tr'ét'eí gót, род. tr'ét'jova,—jomu; на tr'ét'j-ët d'én'-ot и т. д. Ср. f- tr'ét'jom godú, f- próšl'ým (lo-n'is'). Въ сочетаніяхъ съ—sam, samá находимъ обѣ формы: sam-tr'et'ěj; samá-p'áta и др.

Сочетанія съ пол — соотвѣтствуютъ литературнымъ: poltorá n'i (дни), poltorý n' d'il'i. Ср. polútorýf pudóf n'e xvat'ilo: s-pol-rúda búd'ot, или d'év'et s-polupúdom, s-polpúdom и под.

§ 13. Глаголь.

Существующія формы—тѣ же самыя, что и въ литературномъ языкѣ. Главныя формальныя уклоненія въ глаголахъ сравнительно съ литературнымъ языкомъ, нашъ говоръ допускаетъ только въ формахъ неопредѣлен. наклон., настоящаго врем. 2 л. и въ повелительномъ наклон. 2 л. ед. числа. Въ силу этого обстоятельства, и ввиду фонетическихъ особенностей нашего говора, наиболѣе удобно будетъ распредѣлить весь фактическій матеріалъ на старомъ принципѣ основъ перваго и втораго спряженія; при этомъ мы будемъ отмѣчать только глаголы, имѣющіе тѣ или нныя формальныя особенности и не во всѣхъ формахъ, а только въ настоящ. вр., повелительн. накл., причастіи прошедш. вр. страда-

тели. залога, имѣющемъ особенность употребленія въ нашемъ говорѣ.

Въ особую группу выдѣлимъ глаголы, употребляющіеся въ качествѣ «вспомогательныхъ» при сложныхъ формахъ будущаго и прошедш. времени.

Совершенно на равноправномъ положеніи, наряду съ «буду» говоръ употребляетъ *ímu*, *stánu*, *hos'u nas'nu*, *ros'nú* и др. Форма *jes't'* (есть) употребительна только главнымъ образомъ съ значеніемъ имѣется, существуетъ: *d'élo jes'*, *éto on'é i és'* и под. Съ отрицаніемъ этотъ глаголъ въ формѣ настоящ. врем. извѣстенъ только въ видѣ *n'ét-n'étu*. Повелительное часто, *být'e pr'i m'es't'e. ímu: ím'oš*, «*s'ovo ím'oš d'elat'-ta*». — *ím'ot*: «*da ím'ot l'i zan'imáči-ta, n'e znaū*»; множ. чísло рѣдко: *ím'om*, — *ím'it'e-ímnt*. Сравн. «*какъ ros'nút t'ia búc'kat'* (бить), *stán'oš s'm'iač'i*, или *náde výdut' ogón'*; прош. вр.: *stál'i zdob'ác'i* (снаряжаться), *ná-s'al'i pótsovat'*, *s'itat' zác'al'i*, *p'ixát stál'i*, *ros'al barabán'it'*: описательн. вид. прош. вр.: *vz'al'i zad'ornul'i*; *pytál'i rugác'i*, *s'u-dac'it'* (многокр. видъ); или *pr'islós' b'éc'* (ѣжать) и т. под.

Типы спряженія.

I а. Удареніе на конечномъ слогѣ: *t'erú t'er'oš* (tr'oš...) *t'erút*: *t'er'i-t'e*, *nat'ór*, *nat'ól'i*, *t'ór-výt'orto*. *tr'esú...* *tr'e'it'é*, *tr'es'í*, *tr'ás*, *tr' s'í*, *tresti rostr'es'onó*. *gryzú...* *gryzýt'é*. *progrýs*, *progrýzla*. *grýs'*, *progrýz'ono*. *oz'mú*, *oz'm'oš...* *oz'mút*. *oz'm'it'e*. *vz'al*, *vz'át'*, *vz'ätý*, при *vz'ány*; Ср. *výbrano* и *výbrato* отъ брать, *výžano*; *pažáno* отъ глаг. жать: говорятъ *s'óknut býl* (промячь), *dos't'izót'*¹⁾ (догонитъ), *rosprok'ínuty* (см. роспрокнулъ глаза-те); также *pr'ivýknuto*; *kaz'it*—3 л. ед. ч. отъ глаг. *kazát'*, нов. *pokáš* и т. п. Ср. *výloš*; *pološ* и др.; *b'er'egú...* *b'er'ók*. *b'er'ekc'í* и *b'er'ec'í*; *skr'ebú...* *skr'óp*; *skr'es't'í*. *s'kr'eb'oná*. *oskr'öblá*. Ср. *s't'er'egú...* *s't'er'ók*, *s't'er'okc'í* и под.; *pr'edú...* *pr'ejóm* придемъ; *pr'ás'*; *k'adú...*, *klás'*. *polóžono*; *orú*, *or'óš*, *orút...* *orát'* (пахать землю); *zórano* вм. *zabrano*; *tku t'e'óš t'e'ot...* *výt'e'om*.

1) Послѣ шипящихъ «о» не напряженное,

tk'i-t'e. tkal. výtkaŋo výt'e'ono; sku sk'óš... rozosk'ót n'ák'i (пирог); skalá, skat'. Ср. šykát'. idu... пов. turáj-t'e; pót' (подъ) и пов. въ формѣ прошед. pošól-t'e próc'; pr'ijd'onób. ijd'onób; буд. pr'idut; žru. žorūt. zav'edú... zav'ed'it'é, zav'ól. zav'es't'i (приобрѣсти). Ср. nav'es't'i (прицѣлится) отъ глаг. nav'edú; n'esú и пр. n'es'it'é, un'es'onób; ср. naklád'onu отъ klas'; zapadú... zapad'it'é l'i? zapad'i-t'e. zapás' (перестать) и мн. др.

I б. Удареніе на начадныхъ слогахъ кромѣ 1-го лица: хоc'ú хоš... хóc'it'e, хóc'ut. хот'ét'; пов. п. хос'í, mogú, 2 и 3 л. moc'í, n'e moc'í... mógut. Неопр. moc'í; n'e moc'í natknuc'a-ta (наткнуться); skažý što n'e moc'í, l'ézu, l'íz'oš... l'ézut, n'e l'is't'e. p'er'el'ézla, l'és' и l'is't'i (неопр. нак.), mašú mášoš... maхát, maхn'i-tko i na mojú-to kobýlu, ot'éc' d'jákau. Ср. maхáü maхáš... maхát; махn'í... и т. д.; grúznu... grúz'n'it'e, gruznut' (тонуть); pogrús z'ábnu, z'ábn'oš, z'ábnut', oz'ár; znópko; буд. oz'ebút, t'enú t'án'oš... t'án'it'e, t'enút'; zat'ánuto и мн. др. Ср. m'él'ut-ta, отъ molót' (вратъ). Несравненно въ большемъ количествѣ формъ и случаевъ представлены глаголы съ основами на jo-je (jo-je) послѣ согласной и особенно послѣ гласной.

I в. Кромѣ отмѣченныхъ приведемъ еще: št'ipl'ú... št'ipl'it'e, št'ipl'ut, št'ipál, št'ipát', opšt'irany и ošt'irany, por'ú. Ср. upór'ut m'ac'óm-t'e (попадутъ); st'el'ú... slát', poslaná, lázaju lázaš... lázajut при láz'ut. Ср. n'e xvas't'át o fs'óm-te, las'-t'e и l'és', lázal'i. lázat', vylazano; otask'ivaju otásk'ivaš... otask'ivajut, otásk'ivaj-t'e; рядомъ формы отъ глагола otášt'ivat': otášt'ivaju, otášt'onu и под. Ср. sprášyvat; kárajū... káram, c'er'n'ila kárajut. Будущее въ формѣ настоящего: s'p'étaju s'p'étajos... -taš, s'p'étajut, s'p'étaj-t'e, s'p'étano, s'p'état' (украсть); ср. ogláženo (украли, украдено); также измѣняются: d'élaju, št'ólkaju и др. tórkaju... tórkaít'é, tórkn'i, tórknul и tórnu (ударилъ). Хáмаju хáмаš... хáмайт'e, n'e хáмаj, хáмат' (эбвать). Ср. oxótn'ic'aju; zakómat буд. вр. отъ kóмаju. šybáü... šybáité, неопр. šypt'i; znáü; poradáü... porád'ono rúloj, radáü radáš... radáüt, пов. n'e upadáj (книжное влияние); неопр. radát', c'itáü c'itáš... c'itáit'e, c'itany. Ср. па-

d'öväü... nad'öväj-t'e; znaü : bóznat' što == изъ Богъ знаетъ; n'e-täü... пов. накл. m'ec'i; ūb'iräfi, ūbran; dožynäü, n'edožána polosá; žaläü... žalät'e; morgaü... morgáj c'áš't'e. Sob'iräü, naiväü-naivát (навивать); gul'äü... zagulivat; posyläü... pósläl; xl'obäü... пов. doxl'abyvaj-t'e. Или также: p'en'äü...; p'en'áj na s'já. ga'c'äü и рядомъ g'ic'äü, gac'áom; нов. gac'áj gob'áta; gac'át' (качать); gul'äü и т. д. Ср. n'e nagul'áls'i, но pažyv'óšs'i — подъ влияниемъ предыдущей артикуляции ž — s перешло въ š; pušt'äü pušt'áos... pušt'äüt, pus', pušt'áj, puskáj idút, púšt'ón. Ср. n'e ot'áš't'rvaj, zagon'äü; прич. стр. zágnut. Ср. rozmušl'át' (размышлять); sokrošt'äü sokrošt'áoš... -ut, sokrot'it' (усмирить): zapr'egäü... неопр. nadě zapr'ec'i, lošat zapr'ežóná, kubyg'äü, kubyg'áoš... kubyg'áit'e, okubyg', okubyg'ilo, kubyg'át' (кувыркать); c'ókäju c'ókäjš... c'ókáit'e, c'okn'i-t'e, rosc'ikál'i. Ср. otc'iknut. Также: bá[j]u, ba[j]oš... bájut, baj-t'e, bájat', bájäno, pobajác'ono. Ср. xoron'äü; kinäju при kidäju; dajú, пов. н. daváj-t'es'-ko и мн. др.; kol'éü, kol'éoš... kol'éit'e, kol'éüt, pokol'él xorošén'ko kol'éť (зябнуть). Ср. br'ëü, br'ëoš... b'r'ëit'e, zabr'il'i f-saldáty, noc'úju, noc'úoš... noc'újut, но nac'új; um'iu, um'ioš... um'iüt, um'éj-t'e, um'éť, nau-m'élsy. И наконецъ: p'jú, p'još-p'jút, p'éj — «nán ty p'éj», pojn'pojš... poit'e, p'éi't'... up'étoj ur'ádn'ikom-t'e. Ср. kl'ujú, ustajú. kujú... kóval и т. д.

II аб: govr'ú govriš... govr'it'e, govr'át; govr'it'e, govr'onó býlo, jéžd'u jézd'iš... iéz'd'at, poežd'áj-t'e, но zaét' и zait' za mnój, pr'iežd'ál, klúšu... klús'it (чудачить); póлно klus'it'-ta; rúšu (хлѣбъ), rúšis', otrúš xl'éba; tašt'ú tašt'iš... tášt'at, tašt'i-t'e, tášt'it', výtašt'onu, kac'ú kát'iš... katát'-ta, kat'i-t'e, kat'it' (быстро идти). Ср. molc'ú... пов. н. molc'it'e šýpc'e; val'ú... val'it, valát, val'i-t'e, val'it', pr'ivál'onó. Ср. n'e usaml'ú n'e usam'iš, n'e usam'it' (не сдѣлать какъ хочется); хоžú, xód'iš... xód'at, часто xójat и xójut (См. § 3—о выпаденіи согласныхъ); буд. skožú... skójm. Ср. v'izu, viš... v'id'at; doržú... dóržat, но zad'oržan; l'ubl'ú l'úb'iš... l'ub'at zal'ub'íl; lovl'ú lóiš, loit'e; Izlovl'ono. Ср.

ustáit' sóxu; t'erpl'ú... нов. н. prof'ér'p'; ср. zgón' (сгонн); ráu'u... ráu'-t'e; xou'u... soxou'ono; sul'ú sul'ís... sul'át, posul'í-t'e, posul'onó, sul'it' (обѣщать); t'épl'u... zat'épl'i, t'épl'it' (тонить и зажечь). Сюда же: stávl'u... stáiš... stáit'; nastávl'ono na stól; v'erc'ú v'ert'ís, v'ert'át, prov'erc'oná dýrka; ryc'ú... ryc'it'é ryc'át, ryc'i-t'e, ryc'ál' ryc'át (кричать); l'est'ú, l'es't'ís l'es't'it... l'es't'át; нов. н. l'es'tí, l'es'ít' (льстить); ul'est'ónó. Вліяніе основы 1-го спряжен. находимъ: хос'ú хос'it'e... хос'ut; нов. накл. хос'í, хот'ét'. Ср. v'yc'ápaju, v'yc'áp'íš, дальше взяли верхъ формы отъ глаг. v'yc'ápl'u... v'yc'ep'l'it'e, v'yc'ep'l'ut; v'yc'ep'l'i-t', v'yc'epal глаза, но v'yc'ap'il высыпаль. Ср. b'egú b'ežýš,.. b'eg'it'é рѣже b'ežyt'é; pr'ib'égla; b'egút, b'eg'i-t'e, pr'ib'ók. Ср. ub'ók, fpr'ók, zapr'ók, но zb'ék, nab'églo; неопр. накл. b'éc', v'ýb'egano. Или будущее въ формѣ настоящ. gospov'édaju, gospov'édáš... но gospov'éd'at, gospov'édal'i; gospov'édana brus'ónka. Ср. n'e xvas't'át, но xvástaš и др.

II в: gl'eǐn (гляжу), gl'eiš... gl'eját, gl'i-ko, gl'i-t'e-ko, gl'án'-ko. Ср. n'e bós' вм. n'e bójs'i; gl'eǐt'; pogl'eǐela, výgl'ežono; poǐn poiš... poit'é, poj-t'e, parój-t'e, poit', paroǐn, spoit'-skor'-m'it' náde и мн. др.

III. Особнякомъ стоять такіе глаголы какъ дамъ, ѣмъ, дају, das'í рѣже daš... dait'e; нов. накл. das'í. Ср. zdas'í? odas'í; также dáko изъ dáj-ko, dad'ono; jem, iés'í, jed'it'é, неопр. is'; нов. накл. jes'í, s'jed'ono. Ср. «Ваучскій» котговоръ, орый совсѣмъ уже не знаетъ старыхъ формъ даси, ѣси; вмѣсто нихъ онъ употребляетъ дань, ѣшь, дай.

Форма 2 л. настоящ. врем. jés'í распространилась и на прошедшее время: «što-žə, ty, n'e rojes'í?» О явленіяхъ утраты ĭ между гласными нѣсколько было указано въ фонетикѣ (см. §§ 1 и 6). Это правило объ исчезновеніи ĭ между гласными распространяется и на глаголы съ основами jo—je. Приведенный матеріалъ позволяетъ заключить, что междугласное ĭ утрачивается въ положеніи между палатальнымъ слогомъ и слѣдующей гласной, когда на первый изъ нихъ падаетъ удареніе; напр., gul'áu, kol'eu,

um'iu и под.; при томъ же положеніи ударенія, только надъ твердымъ слогомъ. передъ слѣдующей гласной — *i* неслоговое въ вялой и неакуратной артикуляціи тоже теряется; напр. g'ic'aii, zlá[i]ü, kirái и т. д.; но всегда почти присутствуетъ въ сочетаніи — *üi*, напр., d'ivüius' (дивлюсь); спорадически появлялось въ случаяхъ какъ báü и нѣкот. др.; зато во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда удареніе передвигалось на конецъ глагола: kuü, или на начальные слоги — sprášyvaü и др. — *i* междугласное выступало ясно. Въ связи съ выпаденіемъ между гласнаго *i* въ производныхъ глаголахъ на основы *jo*—*je*, знающихъ только неударяемое окончаніе, стоитъ указанное въ § 6 явленіе ассимиляціи и стяженія гласныхъ; напр., во 2 и 3 л. ед. ч. въ 1 и 3 мн. при любомъ строѣ рѣчи находимъ: sprášyvaš, — aaš; d'élat, zaobolác'ivat; dútam, хорон'ut отъ хорон'áiü, хорон'áoš и пр.

Для полного обозрѣнія глаголовъ приведемъ нѣсколько примѣровъ съ глаголами возвратнаго, средняго и взаимнаго значенія: uc'us' uc'is'i uc'ite'i; неопр. uc'ic'i, uc'ils'y; gožus, góš, god'ite'i и неопр. god'ite'i (—c'i). Ср. ryba n'er'es't'ite'i, okun' n'eršy's'i; vyr'ed'ite'i (красиво, баско одѣться); kud'y d'éc'i? отъ дѣваться; l'ožus', l'ožy's'i... l'ožy's', неопр. l'ec'i; нов. l'ág'i. Ср. r'ežus', sažús' sad'is'i... sad'átc'a; неопр. s'i(é)s't'i, нов. s'ád'i. Ср. stól хорóš s'ál; d'élo s'álo garázdo xúžə; s'm'iús'... s'm'iúte'i, s'm'iatc'i(—c'i; s'm'iálsy. Ср. pr'iv'érz'ilos' (приснилось), p'er'edral'is'-to da p'er'ec'epál'is'-ta; vožús' vód'is'i... vód'ate'i, vod'ic'i (нянчиться). Сравн. rugáēs'i; bran'ic'i; он p'er'ep'isyvate'i p'is'mam; projm'óms'i; d'ivüius'... d'ivüiute'i(—c'i) moüs'... -s'i; но što ty, m'ilka, s'er'd'išs'i; см. výmysy, vým'ytos', zdób'ily отъ гл. zdo'b'l'áiü, но od'él'is'a, užas'íls'a, soznakóm'íls'a, otjevl'als'a, хотя ul'er'ílsy, zagost'ílsy и т. д. Сравн. «Ваучекій» говоръ, который во всѣхъ случаяхъ 2 л. ед. числа наст. вр. даетъ —šy: s'érd'išy, безъ исключенія, а въ 3 л. прош. вр. — sy; ср. výmysy, roznakóm'ílsy, uc'ýlsy и под., и, конечно, s'm'eöcy; r'ed'icy (неопр. накл.).

Только форму повелительн. накл. находимъ неизвѣстно отъ какаго глагола: s'y, s'y'd'a, такъ, напр., кричать, когда гонять корову.

Необъяснимой осталась форма: «он byt'ě-l'i znáot». О прошедшем времени можно добавить, что оно наряду съ правильно выражающимся помощью причастія на — лѣ, выражается весьма часто черезъ «дѣенричастія»; формы какъ он vŭp'ifšy, prosnúfšy (-s'), dosŭta paéd'onos', tam vŭjd'ono и под. — весьма распространены въ говорѣ и употребляются охотно. (См. § 14. Синтаксезъ). Сравни. «Тотемскій» говоръ, тамъ очень рѣдки эти формы. (См. Брокъ, 132 стр.).

Отмѣтимъ также особые случаи замѣны прошедш. врем. и будущ. — существительн. и мѣстоимен.; напр., п'е охѳта вм. «не хочется» (п'е хѳс'і), или п'е k-c'ѳми, вмѣсто «не замѣтилъ», или jéžel'i tr'ěba búd'ot вм. потребуется ѿ под.

Чтобы покончить съ глаголомъ, слѣдуетъ отмѣтить, что глагольные формы почти безъ исключенія сопровождаются членомъ та. t'е, частицами и приставками: ko, kos', tko и др.; pošól-t'е von, kak búd'ot žyt'-ta; ná-tko, b'er'í-ko и т. п. (См. §§ 2 и 11).

Часть III. Синтаксисъ.

Едва ли не самымъ сложнымъ вопросомъ въ изслѣдованіи народныхъ діалектовъ являются вопросы синтаксиса. Въ самомъ дѣлѣ, если легко можно слѣдить за отдѣльнымъ звукомъ, изучать его природу во всѣхъ этимологическихъ формахъ, если можно подвергнуть отдѣльное слово физиологическому и морфологическому разложенію и наблюденію, то весьма трудно бываетъ понимать и установить правила синтаксиса живой народной рѣчи. Народная рѣчь текуча и весьма разнообразна, осложняющимъ въ ней моментомъ являются — часто невыдержанность съ логической стороны, забѣганіе впередъ, повторенія, паузы, остановки на полусловѣ, обиліе своеобразныхъ присказокъ въ родѣ: jéd'át'-t'е mŭx'і, núdakət' (ну-дакъ-эть), tŭs'c'a п'е odná и др., поэтическихъ фигуръ и выраженій; на ея протяженіи нестрѣтъ цѣлые ряды вводныхъ словъ въ родѣ: голова, правошто, бытѣли, знац'нтъ, дескать, скадье, бенъ, моль, эка, экъ-ево и под., которые играютъ важную роль энклитикъ, придаютъ рѣчи описательность, служатъ

опорой мысли, связывая самые разнообразныя отгѣнки, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно затрудняютъ установить порядокъ согласованія, управленія и отношенія отдѣльныхъ членовъ предложенія въ цѣлой рѣчи.

Но самымъ важнымъ обстоятельствомъ, при изслѣдованіи народной рѣчи въ ея цѣломъ, является ея неповторяемость. Народная мысль конкретна, она не воспитана, если можно такъ выразиться, въ строгихъ и правильныхъ синтаксическихъ конструкціяхъ, и, разъ высказанная, она уже повторяется въ другомъ сочетаніи. въ новыхъ отгѣнкахъ. Вотъ, можетъ быть, почему до сихъ поръ не составлено ни одного удовлетворительнаго синтаксиса по народному говору. Приступая къ описанію этой весьма интересной и важной части общей грамматики «Уломскаго» говора, въ настоящее время мы однако не въ состояніи представить научно обработаннаго матеріала, тѣмъ болѣе, что прямой задачей нашей было изслѣдовать говоръ, главнымъ образомъ со стороны фонетической и морфологической, поэтому, при описаніи синтаксиса изслѣдуемаго говора, мы не будемъ настаивать на всѣхъ синтаксическихъ категоріяхъ, а ограничимся пока установленіемъ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ и приведеніемъ небольшого матеріала въ сыромъ, необработанномъ видѣ.

§ 14. Члены предложенія, соединеніе словъ.

При подлежащемъ ставится иногда въ предложеніи мѣстоименіе «онъ»: «a jon l'éb'ed'-ot plyjót sámym s't'éřžn-om»; «oná uéžd'ana lósat'ta»; «v'ino, ono ból'no udar'át f-gólou». Ср. «éto našo žyto-to», или «n'e xvas't'át im ófs'óm-t'e». О сказуемомъ слѣдуетъ сказать, что оно наряду съ правильно выражающимся помощью стараго причастія на — лъ, какъ-то: онъ пошелъ, выпилъ и под., весьма часто, чуть ли не систематически выражается дѣе-причастіемъ въ безличной формѣ: он v'yr'ivšy, ja ustávšy, pronfšy, joná uéxat'i, os' slomáfšy, ty c'istó, t'ežoló od'eřšy и т. д.; при этомъ чаще подлежащее стоитъ въ родительномъ надежѣ. или вмѣсто личнаго оборота предпочитается безличный; такъ напр.,

u íf nad'él'onos' zdr'á; u ĵevó uéxano, drugoj gót kak rozojd'onós'; íšt'o n'e l'ážono; u-ĵej ujd'onó pod'i; u-oīc'á na drugój ž'én'onos'; pobajác'óno v'íno vnoĵo; nŷn' napas'onó žal'éza; u-zajc'éj býto; u-volkóf tuta ijd'onó; u-nas s-Vas'il'jom položonos' (сговоренось), u-ĵevó prostúžonos'; u-nas nagúl'ános' и т. д. Ср. str'áxnutos', nadútos', nadsažanos', nap'itos'c'áü, dosýta naéd'onos', výspanos'; narobótanos', nagl'ážones' и мн. др.

Особые случаи замѣны прошедшаго врем. и будущ. при сказуемомъ существительнымъ и мѣстоимен. указаны выше (См. § 13). Нерѣдко сказуемое выражается сложными оборотами вм. простых и обратно: «z-dún'kojsládu n'étu», «a mŷ-ta stál'i i l'ogl'i u-ĵevo býl'i» вм. часто бываемъ, «n'e ujd'ót govor'át-at' nap'ísát'-ta», «za s'm'ér't'ju pošl'i dak nažyv'óšš'i u-ĵevo», или mást'or na kostyl'i, na p'és'n'i l'útaĵa žónka, kovál'i p'érho ná tr'i c'euy и т. д. Ср. ĵon ráduc'is' v'iná-ta das t'ié, или žŷuc'i n'e byvalo и под.

Кстати, интересный случай соединенія предложеній: c'áxótkoj xoron'áüt vos'emnatc'et'i godóf.

§ 15. Родъ и число.

Наряду съ указанными выше случаями ассимиляціи родовъ какъ мой potkóf z'el'ónoj ĵáblok, хорóša put' и др. (См. § 9), находимъ въ говорѣ не мало примѣровъ смѣшенія чиселъ единств. со множеств. и обратно; такъ напр., sán'om proéxalo ró-br'uxu-ta вм. санями; f-grud'áf bol'it (въ груди), žŷt' v'-dostátkaŷ, no búđ'en' (будень) и búđn'i при búŷ'i, búđn'of, na budn'af k-t'ié zajdú, или n'étu kormóf (корма), za moróškam hod'il'i, xot'át brus'ónk'i (бруснику) rospov'édat', na konc'i it'í (идти на конецъ), v'ixor'am žŷto fs'o, uéxal na kartoc'k'i s'n'imác'i; или смѣшеніе рода, числа и надежа сразу; «v-dv'éx godáf um'erlo tr'i sŷna».

§ 16. Употребленіе падежей и предлоговъ.

Примѣры смѣшенія падежей:

1) При неопредѣленномъ склоненіи употребляется вм. вини-

тельнаго над. именительн. въ словахъ женск. рода, напр., *náde fs'a sv'ás'* (связь) *p'er'eb'inát'*, *dvum c'ölov'ékam oхvat'ít' oña jél'*, или *top'ít' bájna*, *nos'ít' vodá*, *nad'ét' šúba*, *kos'ít' travá*, *srub'ít' b'er'oza* и т. п.

2) Въмѣсто винительн. надежа имѣемъ родит.: *našol gruz'u'a* (груздь), *š-jél gr'ibá*, *ub'il p'et'i utok* (пять), *pod'élal by tovo i drugóe*.

3) Въмѣсто именительн. над. при глаголѣ «естъ» употребляется родительный въ такихъ выраженіяхъ какъ: *na s'v'é't'e fs'ákova naródu jes'*; *slav* (слава) *bógu jes' d'én'ok'-t'e u-mn'á (m'in'á)*; *jes' u-nas oz'ór fs'ak'if i bol'syif i mályf* и т. под.

4) Смѣшеніе творительн. съ предложн. и родительн. находимъ: *okáz'ja výšla o-krúšk'e-ta* — оказья вышла съ кружкой; *na m'in'á dak joná daže n'edovól'n'a* (мною недовольна).

5) Именительн. и винительн. съ творительнымъ: *on'é uprav'ít'el'i byl'i* вм. управителями; или *pr'iróda v'es'ólaja stála* вм. веселой; *jájc'am katáút* вм. яйца и под.

6) Родительн. съ дательн.: *d'é trav'é-ta s'n'át'-ta* и т. п.; или род. принадлежности: *roñája s'ostrá otc'ú jemu*.

При описаніи предлоговъ любопытно отмѣтить, что при обозначеніи обстоятельства мѣстана въ вопросъ куда, съ существительнымъ употребляется преимущественно предлогъ *na*, а не въ: *it'i ná pol'o*, *na P'és'jo* (деревня), *ná Sp'igovo* (деревня) и пр.

Также не лишнимъ будетъ отмѣтить частые случаи повторенія однихъ и тѣхъ же предлоговъ, указывающіе какъ бы на остатокъ пѣсенной манеры, что весьма гармонируетъ съ вышеуказаннымъ явленіемъ (См. § 2) естественнаго ритма фразы и придаетъ рѣчи особый описательный характеръ.

Приводимъ примѣры: *na roz'ic'ü na p'er'éd'nuju, s-t'át'in'koj s-tvoim*, *na m'é na grud'ínu*, *po rúp po dvač'et'*, *u-nas usamoix t'ésno*, *u-otc'of u-svoif*, *na zdorón'jo na el'iko*, *zá-xl'ép zá-sol*, *na ragú na bájonk'e*, *zá pol'o za oñb* и под.

Что же касается отношенія предлоговъ къ предметамъ и требованія падежей, такъ эти явленія въ говорѣ въ общемъ согласны

съ литературнымъ языкомъ; развѣ нѣкоторымъ исключеніемъ слѣдуетъ сосчитать употребленіе иногда имен. пад. вм. родительн. послѣ предлога и; напр., u-d'er'év'n'a, или u-íón-ta i tak vz'áto bylo. Ср. voz'l'e sámoj louškoj вм. возлѣ самой ловушки; nátr'i v'orstá dál'se; s-v'ec'ór s'él f-sat съ вечера сѣлъ въ садъ; smót-r'at sofs'é stólon', z-dv'é storony и др. pr'i-nám, po fs'óm sadú gul'át (гуляетъ), to po-tóm to po drugóm synu gor'új. и т. д.

Часто употребляется падежъ безъ предлога тамъ, гдѣ мы ставимъ предлогъ: напр., zá.'itc'i br'úxom, goíovój (опъ), т. е. на головную боль; l'etám-te pr'ežd'áót, p'is'mam p'č'ep'isyvajute'i, v'yr'ed'atc'i c'igánam и т. под.

И обратно: éto zd'élano u-m'im'á, -u-t'ia, kur'it' f-trúpku, c'itát' f-kn'igu, ĵak-jím n'e kasáús', pr'i kakój vy dólžnos't'e bú-d'it'e, kras'if is'ia' (изъ себя), s-l'ic'á и т. под.

Чтобы покончить съ предлогами, укажемъ еще случаи употребленія говоромъ другихъ предлоговъ, сравнительно съ литературнымъ языкомъ: spas'ibo na parkú na báj uk'e, igrát v-garmó-n'ju, iz-gólodu um'or, pr'išol iz-ob'édni (ob'ěni), za-d'ěfku ga-dájom, n'e znáü za-c'em rozošlos' d'ělo и т. под.

Наряду съ этимъ явленіемъ находимъ рядъ оборотовъ съ излишнимъ отрицаніемъ *не*: kak i n'e u-vas, ból'se n'e c'em u-t'ia, n'e iz'v'in'it'e požalusta и под. Сравн. kakój-n'i-na búť (будь), kakój-n'i-na-ĵes' и т. д.; или n'eftó ĵemu i v'el'él значить: никто ему не велѣлъ, n'eštó ĵemu d'iotc'i значить: ничего съ нимъ не слѣдается и т. под.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ качествѣ приложенія я приведу наиболѣе типичныя нарѣчія, которыя употребляетъ говоръ, краткій словарь мѣстныхъ словъ и нѣсколько выраженій и оборотовъ особаго состава.

I. Изъ нарѣчій, нами засвидѣтельствованныхъ въ говорѣ отмѣтимъ:

1) нарѣчія времени: f-tú-pogn f-t'é-per, lon'is lon'i; tovdy, kovdy

ста (на дняхъ), dá:c'a-dáec'i, z'imus', s'éos'en'es', v'ósnus', p'érho, sp'ergá, oиom'ét' (когда-то въ недалекомъ прошломъ) = onógdá, Ср. onom'és', nos'és', nóп', uýa', nún'c'a, s'evógody, v'ec'ór (вчера, вѣчеромъ), рбогоу и др.

2) Нарѣчія мѣста: s'udý, támo, túto, jévonď'e, vóno, sýzdał' (издалека), jévon otkó'a, sýspodu (снизу) и т. д.

3) Нарѣчія образа дѣйствія: glutnó (хитро), stoskl'ivo, prýtko (шибко), n'imo, vp'er'ót и vzád'e c'asy-t'e; édako m'ésto (много очень), zdí'á, vzaprávdý(и), l'óga (легко), vbýl'a (вправду), rólo (въ обозначеніи дыры), gbvnyško jón, do tovó при превосходн. степ. и др.

4) Изъ нарѣчій количества отмѣтимъ blágo (много), blágo gr'ibóf-t'e napóšono; по «bólogo» имѣетъ другое значеніе и употребленіе: bólogo usnúł dak n'e bud'í; l'išku (время лшку), strašbno d'élo kol'ko (очень много), Ср. púšt'e n'e zadaila by t'ia ro-l'én'ic'a-ta и под.

Изъ «энклитикъ» находимъ b'éš, вм. «бишь(ъ)».

Необъясненной осталась фраза, высказываемая въ значеніи: «vnoho iz-s'ib'a voobražáđt' — «róvno i n'ít' što dakbe», смыслъ ея равенъ приблизительно: эка, или велиká шпшка.

II. Словарь.

а) Слова, относящіяся къ народной этимологiи.

бакѣтъ, пакетъ.

безовпѣтъя, безо-вниманія.

испытанье, воспитанье; Ср. на испытанье отданъ.

комендовалъ, рекомендовалъ.

притвензія, претензія. Ср. притвензіи не несу на ево.

томобиль, автомобиль.

Сенофонъ, Ксенофонъ. Ср. Аршава, Варшава.

упредилъ, предупредилъ.

флукъ, плугъ.

б) Слова мѣстныя.

ббйки, бѣлые грибы.

- бѣика, глава на церкви.
 брюпець, ягода въ родѣ вереса.
 бабѹшки, игрушки, васильки.
 глѣткой, толстый.
 гру́знуть, тонуть.
 діуц'ѣнно дѣло, удивительное дѣло.
 досѣльный, старый, старинный; Ср. досѣльной платокъ.
 дѹжая трава, хорошая.
 забольшной, настоящей.
 зобенька, корзинка; Ср. порѣцька.
 здѣблсы, снаряжлся.
 извѣль деньги, истратилъ.
 крезьбѣ = кстины, крестины.
 куліга, собранье, сборище въ смыслѣ «подозрительной» ком-
 паніи.
 крутѣя ѣзда, торопливая.
 крупкѣй, хрункѣй.
 клѹсъ, чудакъ, отъ глаг. клѹсить съ тѣмъ же значеніемъ.
 курапки, везянки домашняго производства.
 катѣць, палка у дѣца, которой молотять.
 лѣньской, прошлогодній.
 мураші, мурашѣвникъ, муравы.
 молбть, въ значеніи врать, пустое говорить.
 мульнѣя вода, мутная.
 небѣйкой, неразговорчивой.
 нѣ босу ногу, босой.
 остатнѣй, послѣдній.
 оборотѣнка, оборотъ плуга при вспахиваніи полосы.
 порѣцька, корзинка. Ср. зобенька.
 побратѣмко, двоюродный братъ.
 прошетцей годъ, прошлый.
 пинѣть, пенѣть, высказывать обиду.
 побѣйц'ѣно, поговорено вдоволь.
 подрѹжниця, подруга.

привѣрзилось, приснилось.

потка, птичка. Ср. потка фъ-квашонокъ попала (разумѣется мышонокъ).

полиця, полка.

поцѣсь, почти.

рѣжой, большой, хорошій.

рушить хлѣбъ, рѣзать.

розмѣмлять, разжевать безъ зубовъ.

сулилъ, обѣщаль.

сумѣть, сугробъ.

самоуц'ѣбница, самоучка.

суслоны, груды сноповъ.

сереть лѣта, среди.

ссадилъ кожу, сорвалъ.

салашка, шалашъ.

тѣпломатъ, дѣпломатъ, длинное, хорошее пальто.

теплилъ, топилъ.

стѣржень, фарватеръ рѣки.

цѣкалины, сѣдалины на ногахъ.

цюѣтци, слышится.

цевонеесэнки, чего-нибудь.

шемѣнулъ, шмыгнулъ.

шпынь, взерошенные волосы.

хаять, хулить.

хамать, зѣвать.

хамнулъ, проглотилъ.

Фролы, сдѣланныя, вылѣпленныя изъ тѣста фигурки птичекъ, барашковъ, «коровушокъ» въ честь св. Фрола.

ужыштѣ, конецъ веревки.

уповоть, мѣра времени.

с) Кромѣ приведенныхъ выше имѣемъ:

1. дѣло мое лишнее.

2. распрокинулъ глаза-те.

3. кузлены люди — негладки.
4. ѡготь наѡлсы — зубы набилъ.
5. наде засвѣтитъ огонь.
6. мы дѡеци такъ прошли —: то дѡеца, а топерь-топѣреця.
7. Москоской игрой играть.
8. Изъ Резани (деревня) всѣ нѣшти прибѣжали.
9. дохлѣбывай, а то робетѣшки сопляты будутъ.
10. во штѣхъ только премудрось она, а фся сила фѣ капустѣ.
11. кѣриця не птиця, кобыла не лопать, а баба не цѣловѣкѣ.

Краткое описаніе фонетики „Ваучскаго“ говора.

Можетъ быть изъ всѣхъ разновидностей Новгородскаго нарѣчія въ Череповецкомъ уѣздѣ, «Ваучскій» говоръ наиболѣе полно сохранилъ и рѣзко выразилъ чрезвычайное «оканье» и «твердое» «цоканье». По этимъ признакамъ легко бываетъ распознать «Вауцкова» жителя изъ цѣлой толпы, скажемъ, хотя бы на базарѣ. Недаромъ за «Ваучанамп» въ сосѣднемъ съ ними г. Весьегонскѣ, Тверск. губ. установилась кличка — «Вауцкой», или «хорошо такъ хорошо такъ», указывающая на «ц» и закрытое рѣзкое ѡ. Но рядомъ съ этимъ, количество своеобразныхъ формъ въ говорѣ далеко не преобладаетъ надъ существенными элементами правильной рѣчи литературнаго языка и не подавляетъ ихъ окончательно.

Спокойная повѣствовательная рѣчь ведется плавно, неприужденно, свободно, въ высшей степени просто, безъ витѣватости, безъ періодовъ, безъ длинныхъ предложений, и только рѣзко выраженная природа звуковъ «о» и «ц» придаетъ рѣчи твердый, настойчивый и нѣсколько, можетъ быть, грубоватый характеръ.

Женщины говорятъ хуже: рѣдкія изъ нихъ вырабатываютъ «удовлетворительно порядочный разговоръ», я разумѣю, конечно, неграмотныхъ и исконныхъ жительницъ; въ ихъ рѣчи меньше послѣдовательности, какое-то забѣганіе впередъ, смѣсь формъ, а иногда просто пауза на полусловѣ съ замѣтнымъ растяженіемъ слога.

Привожу образецъ краткаго діалога:

— «а ја, Paraskôv'ja, cѣlu kadúšocku nanos'ila s'erúx-t'e, da kadúšocku rýž, kof, vôt i s'evôñ'i, dúmaju, n'e ustr'ápalas' (устряпаться — приготовить все по кухнѣ и домашнему хозяйству), má-tuška vŷn'ot xl'eby-t'e is-p'écy, a ja zam'es'ila kvašôñku da i ro-b'ežála, dúmaju, d'éva, v'ed'orka dva bruns'icy парѣа... [безъ окончанія — r'it']; или: «ódnam'entál'no (моментально) paša usý-t'el'n'ica zdób'ilas', da kak nacalá prošcáccy, dak i zavýla»; или: m'éžy-te — хоš mužýk f-šúb'e l'ožýs' dak n'e v'idaa... [-t'].

Въ «Уломскомъ» говорѣ, какъ я старался раньше показать, удареніе играетъ чрезвычайно большую роль въ фонетикѣ. Его особенная природа придаетъ всей рѣчи своеобразную интонацію. (См. Описан. «Уломск.» говора. § 2).

Что же касается до «Ваучскаго» говора, то въ немъ, насколько мнѣ приходилось, какъ природному жителю этого края, наблюдать удареніе распредѣляется совершенно иначе. Въ немъ рѣчь — вообще спокойная, сдержанная, нѣтъ такихъ рѣзкихъ колебаній въ тонѣ и звучности между ударяемымъ и неударяемымъ слогомъ; выдыхательная сила, рассчитанная на цѣлое слово, какъ бы распредѣляется почти равномерно на всѣ слоги, отгѣняя въ длинныхъ словахъ слабое впечатлѣніе втораго ударенія. Въ такихъ словахъ какъ: kólokó.'n'á, záobo'ácyvát, sú-tr'écen'jó (Срѣтенье), nádvad'i.'át j práz'nik и под., я прямо затруднялся, гдѣ мнѣ слѣдуетъ поставить удареніе въ словѣ.

Въ связи съ отсутствіемъ рѣзкой амплитуды въ тонахъ ударяемаго и безударнаго слога, наблюдается въ «Ваучскомъ» говорѣ, въ отличіе отъ «Уломскаго» — второе явленіе, выражающееся въ томъ, что въ немъ, при пзвѣстной склонности всѣхъ гласныхъ задняго ряда ослабить вообще въ слогахъ неударяемыхъ свою артикуляцію, все же гласныя неударяемыхъ слоговъ почти не обезличиваются въ звуковомъ смыслѣ; въ немъ менѣе всего умѣстно говорить объ «ирраціональныхъ гласныхъ, или о гласныхъ «пуляхъ», которые являються для многихъ діалектовъ, въ томъ числѣ и для «Уломскаго». И если мы въ такихъ примѣрахъ, какъ: «за-

пѣшна бѣушка», «а у Івана три сына, и всѣ на букву «м» начинаются: Митрей, Микита и Миколай», обозначимъ въ приближительныхъ коэффициентахъ распределение тона въ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ для «Уломскаго» говора, такъ для «Ваучскаго» эти коэффициенты будутъ совсѣмъ другіе; для Уломскаго:

$\begin{matrix} 2 & 4 & 1 & 4 & 1 & 1 & 2 & 1 & 4 & 0 & 1 & 4 & 2 & 1 & 4 & 2 & 3 & 1 & 3 \end{matrix}$
 «zar'ěšná báuška»; а у Івана tr'i sýna i fs'é na búkvú «м»(ы)

$\begin{matrix} 2 & 1 & 4 & 1 & 4 & 1 & 2 & 4 & 1 & 0 & 2 & 1 & 3 \end{matrix}$
 nas'ivájuť: M'itr'ej, M'ik'ítá i M'ikóláj. Для «Ваучскаго» —

$\begin{matrix} 2 & 3 & 1\frac{1}{2} & 3 & 1\frac{1}{2} & 1 & 2 & 1\frac{1}{2} & 3 & 1 & 2 & 3 & 1\frac{1}{2} & 1 & 2 & 1\frac{1}{2} & 3 & 2 & 3 & 2 & 1 \end{matrix}$
 zar'ěšna báuška, а у Іванá tr'i sýna i fs'é na búkvu «м»(ы) nasу-

$\begin{matrix} 3 & 1\frac{1}{2} & 2 & 3 & 2 & 1\frac{1}{2} & 3 & 2 & 2 & 2 & 1\frac{1}{2} & 3 \end{matrix}$
 nájuť: M'itr'ej, M'ik'íta i M'ikóláj».

Вотъ почему въ этомъ послѣднемъ всѣ гласные звуки произносятся чисто, безъ всякаго призвучья, и устойчиво.

Переходя теперь къ характеристикѣ гласныхъ описываемаго говора, скажемъ, что языкъ говора также въ общемъ артикулируетъ болѣе задними частями, хотя какъ будто болѣе подвиженъ и эластиченъ, чѣмъ въ «Уломскомъ» говорѣ; участіе губъ умеренное, не совсѣмъ аккуратное, «лабиализація» «о» и «и» средняя, хотя эти звуки выходятъ закрытыми.

Изъ звуковъ задняго образованія «и» въ нашемъ говорѣ имѣеть мало особенностей употребленія: онъ мало замѣняетъ другіе звуки и самъ бываетъ мало замѣнимъ. Такія слова какъ: sus'ět, kuz'má, ukun'is', ugr'ěc, ugorót, dõx'tur, up'át' — весьма рѣдки. Неударяемое «и» нѣсколько шире ударяемаго и имѣеть разныя оттѣнки напряженія, что не трудно уловить изъ примѣровъ: úgol, úž s't'í, budut, iz-górodu, õt-rodu и т. д. Изъ другихъ гласныхъ задняго ряда, гласная «о» въ нашемъ говорѣ допускаеть категорическую разницу съ говоромъ «Уломскимъ».

Въ своемъ описаніи «Уломскаго» говора я указывалъ, что въ словахъ, начинающихся съ ударнаго б: б'гур, б'ого, б'ха, б'ен' и т. п. — б несомнѣнно напряженнаго образованія, и количественная разница его съ о ненапряженнымъ легко уловима. При тѣхъ же условіяхъ, но съ болѣе закрытымъ оттѣнкомъ произношенія, мы имѣли напряженное б и въ такихъ случаяхъ: рót, рól, лór, дór,

kón', kót, kórkа и т. д. Во всѣхъ этихъ словахъ, какъ и въ выше приведенныхъ — б.'ого, б'гуп, бs'ep'... и др., гласная ó имѣла высшій «собственный» тонъ, сравнительно съ «о».

Въ «Ваучскомъ» же говорѣ, — «о» также несомнѣнно лабиализованная гласная задняя, хотя въ «вертикальномъ измѣреніи» какъ будто ниже средней, и при томъ «ненапряженнаго» образованія. Правда, подъ удареніемъ гласная о болѣе глубокая и закрытая, а въ зависимости отъ окружающихъ звуковъ и положенія въ закрытомъ или открытомъ слогѣ, она въ говорѣ допускаетъ много оттѣнковъ; такъ, напр., въ словахъ: kartóška, óbолоко, dolotó, zobóta, xогóšb, ós'ep', v'ного synóf и т. д. сѣ нельзя идентифицировать съ «о» въ такихъ случаяхъ, какъ: lór, dór, kól, ról, stólр, nók, rót, bór, bór и т. п.; во всѣхъ этихъ случаяхъ гласная о несомнѣнно болѣе закрытаго звука. Нерѣдко такой оттѣнокъ встрѣчается и въ слогахъ передъ удареніемъ. Но особенно закрыто «о» произносится въ слогѣ передъ согласной «л», какъ-то: ról, dól, kól, sól и т. п., даже и въ слогѣ послѣ l: lór, lóm..., lókot' и др.

Отмѣченная здѣсь закрытость гласной ó обуславливается, мнѣ кажется, болѣе закрытой артикуляціей внутри полости рта; при чемъ эта внутренняя артикуляція гласной ó какъ бы адаптируется внутри самой гласной къ слѣдующей согласной «л», которая является въ нашемъ говорѣ глубокаго, какъ бы «гортаннаго» образованія, эта то задняя часть языка при образованіи l своей артикуляціей въ свою очередь рефлектируетъ такіа гласныя задняго ряда, какъ «о» или «и» и этимъ самымъ еще болѣе усиливаетъ эффектъ закрытаго положенія при б.

Принимая это обстоятельство во вниманіе, будемъ употреблять ó въ слогахъ закрытыхъ подъ удареніемъ, даже если бы въ нихъ не было присутствія «л», но помня, что передъ нимъ степень закрытости ó наибольшая. Кромѣ закрытости знакъ надъ ó будетъ обозначать и удареніе. Сравн. б «Уломскаго» говора.

Наряду съ особеннымъ пропзношеніемъ звука «о», въ нашемъ говорѣ наблюдается и многочисленность особенностей употребленія его. 1) Звукъ «о» во многихъ словахъ преобладаетъ надъ зву-

комъ «а»; напр., когда стоитъ на мѣстѣ «а» *въ началѣ словъ*: Oks'í.'ja, Okul'ína, Ondr'ěj, Ontôn, Ol'o' s'ej, Ol'óksánt, Ofonás'ej, opt'éka, okušérka, okurátno, при vokurát, on'ís, v-oltar' и мн. др., хотя anbar, atlás, aržanóј и др.; *въ срединѣ*: tor'élka, kol'óša, ton-covát', kro-ná, záftrok, robóta и т. д., хотя kar'éta, lanpátka, kanát, garmôn'ja, tvaròk, paražòt, zabòr и др.; *въ окончаніяхъ*: bat'uškò, Ivánuškò, d'éduško, sarožýško и др. 2) Во всѣхъ словахъ, гдѣ имѣется окончаніе «-аго», исключительно произносится «-ова» и «-ово». 3) Точно также «о» имѣемъ въ словахъ: rozgovòr, roz'b'irát', roscòt, ros'éät', rozvoz'ít', robòtnik, rozum'éečy и т. д. 4) Зато вездѣ «а» будетъ въ такихъ случаяхъ какъ: zamogážyvat', podzadár'ivat', zarobátuyvat', ustráivat', u-pokáivat', prostrácyvat', zav'ártyvat', zat'ásyvat' и т. д. 5) Звукъ о нерѣдко служить замѣной звука «е» въ словахъ: iščò, mámon'ka, Om'el'jan, O'óna, Ovdòt'ja, rob'ónok, tor'er'esa, na od'in'e и т. д.; послѣ «шипящихъ» звуковъ въ словахъ: žoná, nasážono, polóžono, cášok, šoluxá, žostókoј (жесткій), užo, colovát', colov'ék и т. д.

Что касается другихъ гласныхъ задняго ряда и звука «у», то нашъ говоръ не представляетъ какой-либо замѣтной разницы, развѣ только звукъ «у» въ положеніи послѣ шипящихъ будетъ совершенно задняго образованія: žýto, šýlo, ščý, syd'it' и под.

Изъ гласныхъ передняго ряда, высокая гласная і въ нашемъ говорѣ также не различаетъ категорическихъ отгѣнковъ. Ее нужно опредѣлить вообще какъ «напряженную, особенно подъ удареніемъ. «і» находимъ на мѣстѣ стараго и, ì: ov'ín, klus'ít' (чудачить), ínac', zvон'ít, рохорон'íl, ostr'ík и т. д.; на мѣстѣ стараго «ь» послѣ гортанныхъ: badag'í (палки), voz'le r'ek'í, mužyk'í и т. п.; никогда не находимъ на мѣстѣ стараго «ѣ», вопреки «Уломскому» говору; ср. также «Тотемскій»; вообще звукъ «і» не употребляется вм. «е», за исключеніемъ самыхъ рѣдкихъ случаевъ и то въ ослабленныхъ слогахъ въ родѣ vadvad'is'átóј. s'ínokòs, хотя s'iv'erko, is' (ѣсть), или вм. «ё» (о), когда произносятся: n'es'it'é, dait'é, d'er'it's', klad'it'é и т. под.

Вторая гласная передняго ряда «е», со стороны своего каче-

ства, заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Для «Уломскаго» говора мы отмѣтили два *é*, *e*. Въ слогахъ подъ удареніемъ *é* отличалось особенно узкой, а потому и передней артикуляціей, такой звукъ приближался сильно къ группѣ *i*, особенно въ закрытомъ слогѣ передъ палатализованной согласной. Сравн. *d'én'*, *dv'ér'*, *xm'éil'*, *s'v'ét* и т. д., или даже: *gr'iša'ic'a*, *v'ip'ik*, *s'iv'ér*, *s'it'* и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ степень напряженія *é* безъ сомнѣнія была сильнѣе обыкновенной для гласнаго говора, мы даже назвали гласную въ этихъ условіяхъ прямо «напряженной». Обращаясь къ той же гласной «*e*» въ «Ваучскомъ» говорѣ, её слѣдуетъ характеризовать болѣе открытой и широкой, и никогда не переходящей въ *i*, гдѣ бы мы ее ни взяли, кромѣ указанныхъ исключеній.

Однако, едва-ли какой иной звукъ имѣетъ столько видовъ разговорнаго употребленія въ нашемъ говорѣ, сколько — *e*. Подъ удареніемъ передъ палатальной согласной въ такихъ случаяхъ какъ *f-sátom d'él'e*, *d'ét'i*, *d'év'er'*, *d'év'e*, [но *d'éfka*], *xl'éb'es*, *m'éticu* (цѣлится), *n'ed'él'a*, *v'én'ik*, *m'él'*, *b'el'* и т. п. — «*e*» отличается узкой и передней артикуляціей, а потому звучитъ палатально.

При томъ же условіи въ закрытомъ слогѣ: *m'edv'ét'*, *s'és'*, *z'd'és'*, *s'ét'*, *d'én'*, *z'v'ér'*, *n'e v'ér't'e*, *t'én'*, *dv'ér'*, *pl'ét'* и т. под. — степень напряженія какъ будто сильнѣе обыкновенной, но «напряженной» эту гласную въ «Ваучскомъ» едва ли можно признать. Въ концѣ слова, или передъ «твердой» согласной, все равно подъ удареніемъ или неударяемое, мы находимъ *e* болѣе широкое и открытое и, слѣдовательно, менѣе палатальное: *vá-s'en'é*, *f-ról'e*, *n'étu*, *d'élo*, *s'éra*, *v'etry*, *Vo'od'im'er*, *ser*, *šes'*, *v'edro* и т. д.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ природа и произношеніе гласной *e* приблизительно таково, какое мы имѣемъ, примѣрно, въ литературномъ произношеніи въ словахъ: сцена, курьеръ, пакетъ, вселенная и т. под. Зато въ началѣ слова «*e*» произносится почти какъ исконное славянское, т. е., съ *ǐ* впереди, какъ и въ «Улом-

скомъ» говорѣ: *ǰel'*, *ǰ'tot*, *ǰévon-d'e*, *ǰédak*, *ǰél*, *ǰéxat'* и т. д., но *éťa* (въ смыслѣ тогда)—е широкое, непалатальное, почти э.

Звукъ е часто служитъ замѣной «я»; такъ, напр., *vz'elá*, *p'etnób*, *ǰezýk*, *v'ezát'*, *s'v'etóǰ*, *d'és'et'*, *d'év'et'*, *p'etacók*, *záec*, *r'eb'ina* и т. п. Въ иностраннѣхъ словахъ характерно употребленіе звука «е» вм. «и». Часто говорятъ: *van'él'*, *kodr'él*, *kaz'en'ét'*, *b'íbl'ǰja* и т. д.; но *r'ínǰák* при *sr'ínǰák*. Въ окончаніяхъ словъ на «-ій», «-ей» вм. «-ий», въ родѣ: *Vas'íl'ej*, *Gr'igòr'ej*, *Evd'én'ej*, *M'ítr'ej*; также *r'exát'* вм. «рихать», *срасс.* «е» вм. «и», и въ окончаніяхъ именъ жен. р., предл. над., напр., на *pos't'él'e*, на *gacól'e* и т. п.

Чтобы закончить обзоръ гласныхъ, укажемъ еще на два явленія въ говорѣ: на полногласіе и стяженіе гласныхъ. Условія стяженія гласныхъ тѣ же, что и въ другихъ діалектахъ, т.-е. вынаденіе передъ гласной неслогового *ǰ* и затѣмъ уподобленіе гласныхъ; указать можно на нѣсколько примѣровъ: *dúmat*, *dúmam* *d'élat*, *dáko*, *pod'óm* и т. под.

Въ отношеніи къ полногласію нашъ говоръ слѣдуетъ болѣе за литературными формами и своеобразія донускаетъ мало, въ родѣ того какъ: *óbolókó*, *v'er'edá* (вредъ), *p'er'er'igácy*, *Vol'od'ímor'*, *bologo* (благо), или въ морфологическихъ формахъ: *móxp*, *iz-rótu*, *ráxn'ot*, *do potolóká*, *lòba*, *r'ubóv'i* и т. д.

Въ области употребленія гласныхъ слѣдуетъ еще отмѣтить пропуски и вставки. Пропуски бываютъ въ началѣ словъ: *m'e-n'iny*, *r'estánt*, *L'izav'éta*, *Isús*, *b'ec-c'er'edú*, *kólo*, *Natól'ej*, *Erusal'im*, *rál*; въ срединѣ: *známo*, *ser'ómxa*, *rúgv'icy*; въ концѣ: *rol'ica* вм. «полиція», *vorc'é*, *s'pca*, *útr'e* (утомъ) и т. д.

Подобно пропускамъ и вставки гласныхъ бываютъ въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ словъ: 1) *aǰǰanǰá muká*, *iz'm'c'sčát'* (мстить), *voftòr'n'ik*, *opòs'l'e*, *opon'ét'* (когда то-тогда) и т. п. 2) *z'v'izdanút'*, *r'ezanút'*, *borodoicyn* (бородавка), *otopral* (отперъ), *rozost'el'ú* и т. п. 3) *tákcya* (такса), *z'd'ès'a*, *vòno*, *kol'í* (когда) = коль, *v'edá* (вредъ), *zad'armá*, *nòp'esy* и т. под.

Согласные звуки нашего говора въ своей артикуляціи не пред-

составляютъ крупныхъ принципиальныхъ различій отъ литературнаго языка, но они отличаются какъ будто большей аккуратностью, сравнительно съ говоромъ «Уломскимъ». Случаи утраты ихъ менѣе часты и падаютъ главнымъ образомъ на губныя и зубныя, напр. передъ звукомъ *u*: *d'ěuška*, *go'ouška*, *žyút*, *zouít*, *gl'ějú...*, и при комбинаціи согласныхъ. Здѣсь нашъ говоръ раздѣляетъ тѣ же правила о согласныхъ, что и говоръ «Уломскій», а именно: онъ не терпитъ большого скопленія согласныхъ и выходитъ изъ этого положенія или потерей изъ группы нѣкоторыхъ согласныхъ, или для легкости произношенія одну изъ согласныхъ палатализуетъ, особенно сохраняется древняя мягкость передъ суффиксами: *ск*, *ств*; такъ находимъ: *ráz'e*, *zdrástuj*, *nutr'enóĵ* *žar* (хотя) *stolknú'sy*, *zožát'*, *s'emóĵ*, *gvoz'jób*, *nastr'ěcu*, *takós'koĵ*, *moskós'koĵ* *jáblok*, *cár's'koĵ*. *cár's'vo* (царство), *mus'kóĵ*, *lón's'koĵ*, *z'em's'koĵ* *pacáln'ik*, *v'ér'x*, *žen'sščyna* и т. д., хотя *vôs'p'ica* (оспа), *vóstroĵ*. Точно также сочетаніе *t-t-s*, *d-t-s* въ говорѣ перешло въ *s*; ср. «Уломское» *s'*; *zavôskoĵ*, *l'uckóĵ*, *d'is'áckoĵ*, *sôskoĵ* и т. п.

Звонкія согласныя въ концѣ слова также теряютъ не только свою голосность, но часто и всю артикуляцію: *l'ubóĵ*, *brôĵ*, *krôĵ*, *godôĵ*, *dvorôĵ*, *óstroĵ*, *bôp*, *dôš*, *dôp*. *rúp*, *osmôt* и др. Въ концѣ слова говоръ потерялъ также *t* сочетанія *st*; такъ, напр., *xvôs*, *kr'és*, *dás*, *gôs'* и т. д. Столкновеніе звуковъ *d* и *t* приводитъ къ произношенію съ однимъ закрытіемъ и взрывомъ: *s'átudá* (сидь-туда), *búť'e* *pr'i* *š'éz't'e...* Точно также при образованіи долгихъ согласныхъ мы не наблюдаемъ новыхъ группъ, сравнительно съ «Уломскимъ» говоромъ, и акустическій эффектъ при удлиненіи получается тотъ же, т.-е. при длительныхъ удлинняется самый шумъ (*ñ*, *š* и др.), а при мгновенныхъ (*t*, *d*) — пауза передъ взрывомъ, а сама долгота построена на такомъ же принципѣ слитія двухъ элементовъ, которые или уже раньше тождественны (*t-t-t*, *p-t-p...*), или же сначала подвергаются уподобленію (*s-t-z*, *t-t-d*, *b-t-ш*, *d-t-p...*). Случаи перваго рода: *os'ônoĵ*, *kažyñoĵ*, *ras* на *jétoĵ* *m'és't'e*, *os'in'ik*, *otól'*, *on'éta* и др.; втораго рода: *rošól*, *žádu*, *odoxn'í*, *b'estyžy* *g'ázy*, *dváčet'*, *proxlaždácy*, *š* *yt'jom* (съ

шитьемъ), *bestyn' k, omén (обмѣнь) édakoj, omogóz'it', lokoj* на *rom'in'e, buxónoj m'ákoj* (хорошо испеченный, рыхлый прогъ), *goj'ik, n'óm-t'e* и т. под.

Сопоставивъ отмѣченные случаи съ такими какъ: *ov'ét* вм. «обѣтъ», *pášova, dóbrova, tvoevó, tovdá, ko:da*. Ср. «Уломскіе»: *kovdý, tovdý*; также: *g-d'ére'u, g-dómn, g-žyt'jú, d'e* вм. гдѣ, *enogál, p'én'z'ia, durnój karáxt'ir, páska, básko, lanpas'éä, slo-béda, prólup, ar'endát'el, s'ekl'etár', n'é co* (нѣ чево), *sumlónvácy* (сомнѣваться), *g-d'es'et'im, lánpa, túnba, n'imo, íármanka, špa-n'éry* (обон), *skróš', skrozuóy v'é't'or, b'il'izácyja* (мобилизація), *ažyn'er* (инженеръ), *prozdravl'át', mart'iál, pésoj, glonúl* (немного выпилъ), *strán, strúp, n'eštó, kon'éšno, pr'vúšno, ks't'it', l'okcy spát', prós'l'iznúsy, buldýr' || voldýr'* (болѣзненное вздутие кожи), *ág'l'ickoj* (англійскій), *M'edós'ej* (Модестъ), *Fról, potkóna*, жен. рода, или *sucús' br'úhom* (болитъ животъ), *skucáü úhom* (болитъ ухо) и т. д., можно видѣть, что все богатство и разнообразіе фонетическихъ формъ и новообразованій въ нашемъ говорѣ развивается по тѣмъ же общимъ законамъ народныхъ діалектовъ и народной этимологін.

Несравненно болѣе существенныя, категорическія и принципиальныя различія нашъ говоръ допускаетъ въ характерѣ употребленія «шипящихъ» согласныхъ. При описаніи «Уломскаго» говора я старался показать, что онъ совсѣмъ не знаетъ такихъ шипящихъ литературнаго языка, какъ ч, ц, щ. Старые ч и ц въ немъ совпали въ одинъ звукъ, передаваемый с', природа котораго настолько палатальна, что заднія гласныя а, о, и и у—подъ вліяніемъ предшествующей «мягкой» согласной с' получали болѣе переднюю артикуляцію. «Щ» въ «Уломскомъ» говорѣ мы находимъ въ сочетаніи, отдѣльные элементы котораго *š* и *t'* (*š't'*), при чемъ *š'* въ этомъ сочетаніи подѣ вліяніемъ слѣдующей палатальной *t'* болѣе передняго образованія, чѣмъ *š* свободное.

Нашъ же говоръ изъ «шипящихъ» согласныхъ не знаетъ только звука «ч». Зато звукъ «ц» въ немъ пользуется широкимъ распространеніемъ. Всѣ отъ мала до велика, мужчины и женщины

употребляютъ его тамъ, гдѣ ему, такъ сказать, полагается: сáг', сү'эт, с'ёлој и т. д.; вездѣ вмѣсто «ч», котораго совершенно нѣтъ въ произношеніи, за исключеніемъ, конечно, подрастающаго молодого поколѣнія: сáј, сòрт, совó, р'ёс, дòс, нòс, сүсто, росес' (почтить), роскі (почти), регеckлі (пересчитали), срв. tr'ěf p'ec-r'ec'es' ne dal (очень торопиль) и т. д.; въ глагольныхъ окончаніяхъ неопр. накл. и изъявительн. 3 л., однимъ словомъ, на мѣстѣ «тсья», «тсья»: drácy-d'er'ócy, rugácy-rugáöcy, bogócy-bóg'ócy, gál'icy (смѣется и смѣяться) и т. д.; даже въ серединѣ словъ, какъ я указалъ, изгоняются сочетанія «тс», «дс», чтобы замѣнить ихъ звукомъ «ц», поэтому говорятъ: d'is'áckoj, sóckoj, zavóckoj, gosckóј и под.

Что касается артикуляціи «щ», то въ нашемъ говорѣ находимъ какъ представителя «щ» сочетаніе, отдѣльныя части котораго во 1-хъ ŝ—задняго образованія и потомъ ċ—тоже заднее (šċ); при чемъ, если мы искусственно разложимъ сочетаніе šċ на составные элементы, то вторая часть его, т.-е. звукъ ċ, взятый въ отдѣльности при взрывѣ своемъ оставляетъ впечатлѣніе особой густоты и «пухлости». Образуемое такимъ образомъ звуковое сочетаніе, въ артикуляціонномъ отношеніи соединяется вполне съ категоріей ŝ, ž; послѣ него мы находимъ «у» а не «и»: šcy, jášċ k, šcyrat' и пр. Ср. «Уломскія»: št'í, jášt'ík, št'ipát' и пр.; э (э) вм. е: tólšċə, šċədroј и т. д.; полный переходъ е—ö въ о: polóšċoš, dom'íšċo, išċb и т. д.

Въ сущности всѣ шипящія описываемаго говора принадлежатъ къ заднимъ («твердымъ»), что весьма ясно слышно изъ произношенія. Непосредственно послѣ ŝ, ž, с—поэтому находимъ вм. «и» — «у» съ заднимъ отгѣнкомъ: šylo, žyto, žyl', synóv'n'ik, molcy; е—ö, развившееся въ о: šól, žoltoј, совó, сòл (пчелъ), «э» вм. е: cəfká, сəр, žəmcuk, šəstóј и т. д.; хотя žen'šċyna, žer'eb'ópok, žes't'ánka, но тутъ имѣетъ вліяніе на шипящую черезъ гласную и слѣдующій палатальный слогъ.

Такое заднее положеніе языка легко дѣйствуетъ и на окружающіе звуки. Особенно интересное наблюдается явленіе въ со-

четаніи $\dot{z}d$, гдѣ послѣ d слѣдуетъ какая-либо гласная передняго ряда: i , e , или $\ddot{a}$, передъ которыми палатализація, съ своей стороны, стараетсяъ вызвать дорсально образованное d . Но навстрѣчу, и какъ бы въ протнвовѣсъ этой палатализаціи на d дѣйствуетъ звукъ $\dot{z}$ задняго образованія, который, въ свою очередь, оттягиваетъ d назадъ и этимъ самымъ затрудняетъ его дорсальное образованіе.

Въ «Уломскомъ» говорѣ, въ данномъ случаѣ бракъ верхъ моментъ палатализаціи, и мы имѣли формы — $podozd'i$, $roezd'aj$; въ нашемъ говорѣ беретъ верхъ другой принципъ, въ результатѣ чего въ этой группѣ получается звукъ новаго образованія, нѣчто въ родѣ фрикативнаго $\dot{d}\check{c}$, а вся группа въ точной транскрипціи изображается приблизительно такъ: $\dot{s}z\dot{d}\check{c}$ (съ постепенными переходами), значитъ этимологическая форма тѣхъ же словъ воспроизведется такъ: $podoz\dot{s}z\dot{d}\check{c}y$, $roez\dot{s}z\dot{d}\check{c}aj$ и под. Надо сказать, что звукъ $\dot{d}$ въ этой группѣ едва уловимъ для акустическаго впечатлѣнія, онъ какъ будто теряется въ этой «шипящей» массѣ: ближе и тѣснѣе всего онъ сливается съ послѣднимъ звукомъ $\check{c}$, образуя съ нимъ какъ бы «согласный» дифтонгъ $\dot{d}\check{c}$ и препятствуя произвести полный акустическій эффектъ, этому звуку свойственный.

Вотъ, приблизительно, въ общихъ чертахъ данныя изъ фонетики говора, подъ которымъ объединяются мѣстности, граничащія по рѣкѣ Мологѣ съ Весьегонскимъ уѣздомъ, Тверск. губ.

Этотъ говоръ я назвалъ «Ваучскимъ» по центральному мѣсту всего этого края. Немного особенностей языка отличаютъ нашъ говоръ отъ описаннаго мною «Уломскаго», но всѣ отмѣченныя явленія настолько разительны и категоричны, что позволяютъ приурочить ихъ къ особому отъ «Уломскаго» говору и даютъ мнѣ основаніе провести между говорами границу.

Не только явленія языка даютъ мнѣ основаніе провести эту границу по лѣсной за́сѣкѣ (пролегающей между деревней Рамеменьемъ и Старымъ Николой), но еѣ въ значительной степени подтверждаютъ и другія данныя, чисто этнографическаго характера.

Видимо въ исторической жизни южной части нынѣшняго Череповецкаго уѣзда былъ такой моментъ, который по разному рѣшилъ судьбу «Уломскаго» края и «Ваучскаго»,— къ этому теперь и перейдемъ.

Краткая этнографія говоровъ „Уломскаго“ и „Ваучскаго“.

Въ своемъ этнографическомъ обзорѣннн края я не буду останавливаться на древнѣйшихъ временахъ всей мѣстности Череповецкаго уѣзда, нѣкогда принадлежавшей къ предѣламъ Бѣлозерскимъ. Какъ извѣстно — «вся эта мѣстность была заселена финскими племенами «Чудью» и «Весью», впоследствии вытѣсненными при-Ильменскими Новгородскими славянами, а отчасти слившимися другъ съ другомъ. Многоводная рѣка Шексна, протекающая Череповецкимъ уѣздомъ, служила торнымъ путемъ, соединяющимъ Бѣлое озеро или «Весь» съ рѣкою Волгой, по которому въ древнія времена имѣли передвиженіе финскія и славянскія народности, осѣдая по бассейну р. Шексны и ея мелкимъ притокамъ. Слѣды этихъ финскихъ аборигеновъ сохранились и теперь въ слѣдующихъ названіяхъ: приходъ Чудь, Шухободской вол., Среднія Чуди и Заднія Чуди Горской волости. (По древнимъ рукописямъ изъ писцовыхъ книгъ 1622—29 гг.— эти послѣднія: «Якунина Чудь» и «Мирита Чудь»). Ср. также «Ваучь», «Сіучь», «Уйта» и др.

Далѣе, многія названія селеній въ уѣздѣ, какъ напр., Луковецъ, Дѣдовецъ, Братовецъ, Юрьевецъ, Хотавецъ, Жѣрновецъ и Плотавецъ, вѣроятно прежде имѣли окончанія—«весь», но съ теченіемъ времени для звучности произношенія приняли окончаніе—«вечь»¹⁾, какъ и названіе г. Череповецъ выводятъ изъ Череповѣси,—весь²⁾. Но не эта старая эпоха насъ будетъ интересовать. Точно также для насъ въ настоящее время не важны и тѣ обстоятельства, «что среди Череповецкихъ мѣстныхъ словъ

1) См. Сборн. II-го Отд. Р. Яз. и Сл. Им. Ак. Н. 1910 г., т. 87, стр. 5.

2) Соболевскій. Изъ лекцій по исторіи русск. яз. 1907 г., изд. 4. См. Московская грамота 1496 г.

встрѣчается много словъ несомнѣнно финскаго, тюркскаго и древнеславянскаго языковъ¹⁾, и то, что населеніе Череповецк. уѣзда, находясь почти въ срединѣ между «Бѣлозерской Половиной» и «Тверской» одного изъ владѣній Великаго Новгорода — «Бѣжецкой Пятины», изстари подвергалось всяческому бытовому воздействию, такъ или иначе отразившимся на народномъ говорѣ и вѣрованіяхъ. Все это условія древнія и явленія общія для всего уѣзда, это, такъ сказать, эпоха общаго Череповецкаго праязыка, наряду съ которой для насъ гораздо важнѣе новѣйшія историческія и этнографическія данныя изъ жизни и быта отдѣльных мѣстностей Череповецкаго уѣзда; — къ нимъ теперь и перейдемъ.

Череповецкій уѣздъ занимаетъ сѣверо-восточную часть Новгородской губ. и граничитъ съ Бѣлозерскимъ, Кирилловскимъ и Устюженскимъ уѣздами Новгор. губ., Моложскимъ уѣзд. Ярославской губ., Вологодскимъ уѣзд. Вологодск. губ. и Весьегонскимъ уѣзд. Тверской губ. «Ваучскій» край обнимаетъ собою мѣстности, граничація по рѣкѣ Мологѣ съ Весьегонскимъ уѣзд. Со стороны языка мнѣ удалось обследовать пока въ немъ только одну Горскую волость. Въ выпискѣ съ писцовой книги 1628—29 гг., хранящейся въ Николо-Раменской церкви Горской вол., а также въ церковныхъ подрядныхъ записяхъ отчасти XVIII, частью XIX вѣк., находящихся при Ваучской церкви, значитъ, что эти приходы вмѣстѣ съ селеніями Весями и Ёгнами, нынѣ г. Весьегонскъ Тверск. губ., были вотчиной Ставропигіальнаго Симонова Московскаго монастыря. Потому ли, что крестьяне названной мѣстности были монастырскими, или почему другому, но фактъ тотъ, что они строже, чѣмъ «Уломскіе», сохранили главную черту ихъ говора, т.-е. «цоканье», происшедшую отъ ихъ предка — древняго Новгородскаго говора²⁾.

Въ культурномъ отношеніи они тянули, повидному, сначала къ торговымъ селамъ Весямъ и Ёгнамъ, позже къ Весьегонску, и совершенно были разобщены съ «Уломскимъ» краемъ. Старо-

1) *Живая Старина*, вып. III и IV, 1898 г., стр. 393.

2) *Живая Старина*, вып. II, 1892 г., стр. 9.

жили и понынѣ увѣряють, что лѣсная зѣсѣка, указанная нами выше, была границей, за которую «рѣдко кто переходилъ», и «за которую никогда не выдавали дѣвиць въ замужество» изъ «Ваучскаго» края. Видимо «Улома» жила своей особенной жизнью и культурная тяга у ней была, по нашимъ соображеніямъ, къ Устюжнѣ Желѣзнопольской.

«Улома» расположена по берегамъ рѣчки Уломки, на мѣстѣ ровномъ, боровомъ и сухомъ. Рѣка Уломка беретъ начало изъ оз. Уломскаго и впадаетъ въ рѣку Кондашку, имѣющую сообщеніе съ рѣкой Шексной. Берега рѣчки Уломки мѣстами плоскіе, мѣстами возвышенныя; вода въ ней грязная и болотистая. Въ рѣчкѣ иногда находятъ остатки пстлѣвающихъ отъ времени невѣроятной длины и толщины дубовъ. Откуда они взялись и какъ попали въ рѣчку, никому неизвѣстно, слѣдовъ, гдѣ они росли въ древности, не видно. Грунтъ почвы песчаный, мало плодородный, мѣстами пролегають «ольшинны», низины и мхи. «Улома» расположена верстахъ въ 40 отъ г. Череповца; въ 5-ти верстахъ отъ нея пролегаеть большая дорога — «Вологодскій» трактъ.

Двѣ мѣстныя поговорки: «Улома желѣзная, а люди каменные» или «Улому къ Петрову дню вѣтромъ шатаеть» прекрасно характеризуютъ весь «Уломскій» край, населеніе котораго изстари занимается желѣзнымъ производствомъ и преимущественно «выковкой» различныхъ сортовъ гвоздей, и свидѣтельствуютъ о выносливости и тяжеломъ трудѣ кузнецовъ, работающих отъ 16 до 18 часовъ въ сутки.

Любопытно отмѣтить, что та же самая поговорка характеризуетъ и Устюжну «Желѣзнопольскую» — «Устюжна желѣзная, а люди каменные».

Въ связи съ «ковкой» гвоздей неразлучно идетъ другой промыселъ — заготовка угля, черезъ «моренье въ морянкахъ». Ср. *mor'anku klas' n'e mol'itvu tvor'it'* (—значить трудно).

Вторая пословица говоритъ о недостаткѣ своего хлѣба, который приходится почти всѣмъ покупать, а нѣкоторымъ даже съ осени или съ начала зимы; на круглый годъ своего хлѣба мало

кому хватаетъ. Записи «Уломской» Троицкой церкви и устныхъ преданій свѣжо хранить память о времени крѣпостного права и называютъ своими «владѣтелями» кн. Щербатову и Голицыныхъ...

Старики рассказываютъ, что крестьяне были помѣщичьи, но барщины не несли, а платили оброкъ, который они доставали тяжелымъ «кузленнымъ» ремесломъ. «Кузломъ» занимались почти всѣ жители, и въ настоящее время можно «замѣтить» цѣлыя посады кузницъ, хотя ремесло это въ значительной степени падаетъ съ развитіемъ машиннаго производства; при чемъ мужики ковали, а бабы «дули за нихъ въ мѣха», каждая за своего по очереди. Позднѣе, лѣтъ 100—80 тому назадъ, родился новый социальный слой, такъ наз. хозяевъ, которые прежде были такими же крестьянами, а въ настоящее время уже присвоили себѣ названіе купцовъ; они закупали желѣзо на разныхъ заводахъ и давали его для расковки кузнецамъ.

Мнѣ кажется, въ этихъ, сравнительно новыхъ данныхъ этнографіи и исторіи края и слѣдуетъ искать тѣ условія, которыя дали характерныя и типичныя явленія языка «Уломскаго» говора въ отличіе отъ «Ваучскаго». Историческія данныя указываютъ, что изъ мѣстностей нынѣшняго Череповецкаго уѣзда во второй половинѣ XVIII в., южная часть уѣзда, въ томъ числѣ значить и «Уломскій» край, кромѣ «Ваучскаго», принадлежали къ Углицкому, Пошехонскому и Ростовскому уѣздамъ Ярославской губ. 1). Если съ этимъ свидѣтельствомъ сопоставить то обстоятельство, что помѣщики, имѣя въ разныхъ губерніяхъ крестьянъ, переселяли ихъ съ мѣста на мѣсто, и совершенно опредѣленное показаніе, что одно изъ селеній Уломской волости составляло часть вотчины, находящейся въ Пошехонскомъ уѣздѣ, то является возможнымъ предполагать, что палатализованное ц' (с'), и «шт'» (št') вм. «щ» (šć), и замѣна звуковъ ѣ, е, черезъ «и» (i) «Уломскаго» говора, вырабатывались отчасти подъ вліяніемъ и при содѣйствіи другого говора, или эти явленія восходятъ къ той общей эпохѣ,

1) Новгородскій Сборн., вып. V, 1864 г.

которая дала аналогичныя явленія въ другихъ сосѣднихъ говорахъ. Сравн. факты языка, наблюдаемые въ Ярославскихъ говорахъ: «пясь», «цебукъ» и др., или «дитушки», «дирево» и под., хотя рядомъ «чюжапинъ», «косынька», «момонья», «послушайкѣ» и др., (ср. «Уломскіе» только: «кѣсто», «ишкѣ»)¹); явленія, которыхъ совсѣмъ почти не зарегистрировано въ «Уломскомъ» говорѣ, но это могло быть результатомъ своеобразныхъ условій изъ жизни Ярославскихъ говоровъ.

Что же касается второго характернаго и типичнаго явленія въ «Уломскомъ» говорѣ въ отличіе отъ «Ваучскаго», явленія, касающагося особеннаго характера ударенія, а въ связи съ нимъ и общей интонаціи рѣчи, то чрезвычайно соблазнительнымъ является поставить эти особенности, ту мѣрность и рубленность рѣчи, тѣ выдыхательные толчки, нажимы и порывы слоговыхъ усилій словъ при распредѣленіи экспираціонной энергіи, которые характеризуютъ говоръ, въ нѣкоторую обусловленную зависимость отъ напряженнаго удара молотка, силою котораго «уломецъ»-кузнецъ разсѣкаетъ каленное желѣзо на своей «бабкѣ».

---

1) «Ваучскій» говоръ совсѣмъ не знаетъ перечисленныхъ явленій.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Предисловіе	I—II
Описаніе «Уломскаго» говора. Общая ориентировка въ говорѣ	1
<i>Фонетика.</i>	
§ 1. Гласные — обозначеніе и характеръ ихъ	3
§ 2. Объ удареніи и интонаціи рѣчи	10
§ 3. О согласныхъ. Къ характеристикѣ губныхъ и зубныхъ	15
§ 4. Согласные «шипящіе»	16
§ 5. Долгіе согласные	18
§ 6. Объ отношеніи j къ ĵ и случая ихъ употребленія	20
§ 7. Запѣтки о нѣкоторыхъ звукахъ въ концѣ и въ началѣ слова.	22
§ 8. Къ развитію говора. Выводы	23
<i>Морфологія.</i>	
§ 9. Существительныя	24
§ 10. Прилагательныя	35
§ 11. Мѣстоименія	37
§ 12. Числительныя	39
§ 13. Глаголь	40
<i>Синтаксисъ.</i>	
§ 14. Члены предложенія, соединеніе словъ	47
§ 15. Родъ и число	48
§ 16. Употребленіе надежей и предлоговъ	48
Приложенія	50
Словарь	51
Краткое описаніе фонетики «Ваучскаго» говора	54
Краткая этнографія «Уломскаго» и «Ваучскаго» говоровъ	65

